

Валерий Черных

ПОСЛЕДНИЙ

ШТРИХ

16+

Валерий Черных
Последний штрих

«Автор»

2022

Черных В.

Последний штрих / В. Черных — «Автор», 2022

Он стремился жить даже тогда, когда казалось, что наступил предел жизненных сил, и когда не оставалось ни малейшего шанса выжить. Он всегда находил в себе силы вернуться, начать всё заново, зализать раны, возродиться, словно феникс. Он с лёгкостью оставлял позади воспоминания о прошлом, не думал о будущем и старался жить только настоящим. Жизнь отвернулась от него — не стало страны, которой он присягал и верно служил, предали те, кому он беззаветно доверял. Остались лишь опустошение и злость, придающая сил и не позволяющая окончательно слететь с катушек. Злость, ненависть и желание отомстить.

© Черных В., 2022

© Автор, 2022

Валерий Черных Последний штрих

Вечный покой даруй им, Господи,
и да сияет им свет вечный.
Да почивают в мире. Аминь
Молитва по усопшим

Практически пустой зал маленькой придорожной забегаловки – белые пластиковые столы, ободранная стойка и скучающая за ней полногрудая деваха в белой форменной поварской куртке. Человек в черном кожаном полупальто медленно цедил из высокого стакана светлое пиво и, брезгливо поджав губы, вынужденно слушал двух расположившихся за соседним столиком завсегдатаев, по виду опустившихся интеллигентов. Приятели поедали облитые уксусом пельмени, маленькими глотками пили дешёвое вино из гранёных стаканов и довольно громко разговаривали. Один из них, постарше, с отёчным небритым лицом, в чёрном пальто и берете на давно не мытых волосах, изрекал реплики «исключительно философского» содержания. В очередной раз отхлебнув темно-бордовой жидкости, он промокнул губы грязным носовым платком и менторским тоном принялся поучать болезненно-худого парня с кислой физиономией и в очках с треснувшим стеклом, одетого в потасканный костюм траурно-серого оттенка.

– Ты спрашиваешь, почему в мире так боятся Россию, боятся русских? Откуда такой негатив и отторжение? Мы же мирные, хорошие ребята: бьемся за правое дело, защищаем униженных и обездоленных. С нашей точки зрения – это так и есть! Однако Дон Корлеоне из фильма «Крестный отец» тоже помогал всем, что не мешало ему быть преступником. Представь себе, что рядом с тобой живет криминальный авторитет. Ты встречаешь его по утрам, когда ведешь детей в школу, здороваешься. Милый, добрый человек, прекрасный семьянин! Ваши дети дружат, играют вместе на улице, ходят друг к другу в гости. Все прекрасно. Но где-то в глубине твоего сознания постоянно присутствует опасение. Ты ведь прекрасно осведомлен о роде занятий своего соседа, ты все время настороже. Так же относятся и к нам.

– Что за бред! Наша стана – не Дон Корлеоне. Скорее, Штаты...

– Абсолютная правда! Но в этом-то и беда. Они всё переворачивают с ног на голову, а мы только оправдываемся. Слабые потому что. Слабого можно обвинить во всех грехах. Если слабый – тебя сломают за секунду.

– Сломают?! Сколько таких было?! Сколько свернули себе голову, пытаясь сломать нас?

– История ничему, никогда, никого не учит, – назидательно изрек «философ», отхлебнул вина, утерся и продолжил: – Приходят новые поколения, и опыт предыдущих кажется им ненужным. Они-то умней, удачливей, и именно им посчастливится крикнуть: «Бинго! Есть! Мы сделали их!» Грузины вот тоже так думали, но потом пришлось бежать до самой своей столицы.

– Они-то бежали, а нас выставили агрессорами.

– А тебе не насрать? Мы и до этого были агрессорами в глазах западных обывателей. Одним грехом больше, одним меньше...

– Насрать, конечно, но обидно...

Мужчина в кожанке презрительно скривился, взглянул на часы, поставил стакан с недопитым пивом на стол, поднялся и направился к выходу. Молодой парень проводил его взгля-

дом и, едва за ним закрылась стеклянная входная дверь, потянулся за соседний стол к почти полному стакану.

Время остановилось. Оно больше не имело значения. Он стремился жить даже тогда, когда казалось, что наступил предел жизненных сил, и когда не оставалось ни малейшего шанса выжить. Он всегда находил в себе силы вернуться, начать всё заново, зализать раны, возродиться, словно феникс. Он с лёгкостью оставлял позади воспоминания о прошлом, не думал о будущем и старался жить только настоящим. И вот жизнь, которую он так любил, за которую цеплялся изо всех сил, больше не имела смысла... Всё, чем он дорожил и ради чего жил последние десять лет, было раздавлено месяц назад, разорвано тяжёлым внедорожником на одной из улиц Москвы.

После того как жизнь отвернулась от него – не стало страны, которой он присягал и верно служил, когда предали те, кому он беззаветно доверял, – его дочь оставалась единственным лучиком, единственной радостью, тем, ради чего стоило оставаться на этом свете. А теперь лишь опустошение и злость, придающая сил и не позволяющая окончательно слететь с катушек. Злость и ненависть, желание отомстить, добраться до глотки ублюдка, виновного в смерти дочери.

Он увидел, как человек в белом тёплом плаще вышел из дверей торгового центра, и быстрым шагом двинулся ему навстречу. Ближе, ближе... Расстояние между ними сокращалось очень быстро, но для него – как при замедленной съёмке. Когда поравнялись, он сделал ещё несколько шагов, притормозил, повернулся, застыл на месте и окликнул в спину:

– Самойлов!

Человек в плаще машинально обернулся на незнакомый голос, остановился, медленно развернул корпус... Два выстрела прозвучали один за другим. Первая пуля прошла почти навывлет, застряв на выходе под поясным ремнём брюк. Вторая, вывернув позвонок, отрикошетила от него и, крутнувшись, превратила правую почку в фарш. Стрелявший опустил помповое ружьё с пистолетной рукояткой вместо приклада, медленно положил его на землю, сделал шаг вперёд и склонился над умирающим. Он видел, как жизнь покидает тело лежащего в луже крови человека, и не чувствовал ни ненависти, ни удовлетворения.

– *Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Requiescant in pace.* Amen, – скороговоркой произнёс он.

И застыл, словно не видя, как от здания торгового центра бегут к нему люди в полицейской форме, на ходу доставая пистолеты, как от автомобильной стоянки рванули в его сторону два крепких парня в штатском. Он не видел всего этого или не хотел замечать, уставившись на уже безжизненное тело и непрерывно твердя одну и ту же фразу на непонятном языке. И продолжил повторять её, даже когда люди в форме сбили его с ног, завернули руки назад и защёлкнули наручники на запястьях. Парни в штатском остановились неподалёку, наблюдая за действиями полиции, затем один из них достал телефон и приложил к уху.

В допросной пахло потом и пылью. Несмотря на то, что сотрудник полиции говорил громко, иногда срываясь на крик, задержанный не реагировал на его вопросы и, казалось, не слышал его. Он смотрел прямо перед собой практически не мигая, только изредка его веки подрагивали в такт словам собеседника, выдавая, что он всё слышит. Ни капли страха, волнения или вины. Создавалось впечатление, что он смотрит сквозь сидящего перед ним, словно через стекло, внимательно разглядывая стену позади него. Серая, в грязных разводах стена

допросной, на которой сосредоточил своё внимание арестованный, никогда не устаивалась такого равнодушного, отсутствующего взгляда, впрочем, на оперуполномоченного тоже никогда так не смотрели.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и в допросную вошёл высокий подтянутый человек лет сорока пяти. Под его черным нараспашку пальто виднелся строгий темно-серый костюм. Опер замолчал и с непониманием уставился на незваного гостя. Они были знакомы, но, по правде говоря, стоящий перед ним человек был последним, кого Олег Михайлович Малышев ожидал здесь увидеть, тем более в столь поздний час. Полковник Ракитин, сотрудник управления собственной безопасности ФСБ, скользнул глазами по задержанному и перевёл строгий взгляд на удивлённого оперуполномоченного. Тот знал, что УСБ ФСБ работает с бизнесменами, банкирами и чиновниками, в том числе и в качестве «крыши», однако причина появления полковника в допросной была ему совершенно непонятна.

– Оставьте нас, – бросил полковник полицейскому и вновь уставился на арестованного.

– С какого... – возмущённо начал опер, откидываясь на спинку стула.

– Мы забираем его. С твоим руководством согласовано, – грубо прервал его Ракитин.

Он рассматривал лицо сидящего в наручниках мужчины с наливающимся синяком на скуле, его перепачканные, в засохшей крови и грязи волосы, и никак не мог заставить себя успокоиться. Это зрелище должно было вызывать у него удовлетворение, но он чувствовал только беспокойную неуверенность, причины которой не мог себе объяснить, и это бесило.

– Ну здравствуй, Велихов, – ровным тоном проговорил он, когда за сотрудником уголовного розыска закрылась дверь.

Он произнёс это совершенно спокойно, и по отрешенному лицу невозможно было догадаться, что в его душе бушует ураган. Задержанный не удостоил вошедшего своим вниманием, продолжая пялиться в стену, только закинул ногу на ногу и положил сверху скованные руки. Ракитин развернулся, приоткрыл дверь и крикнул в коридор:

– Малышев! Зайди!

Оперуполномоченный вернулся в допросную и устремил на полковника вопросительный взгляд.

– Наручникиними! – приказал Ракитин.

Малышев недовольно дернул правым уголком рта, но спорить не стал. Молча снял с задержанного наручники, сунул их в задний карман джинсов и удалился.

– Ну что, Сергей, ты узнал меня? Поговорим?

Велихов пожевал губами, затем помассировал запястья рук и снова замер на стуле, тупо глядя перед собой.

– Понятно, – задумчиво протянул полковник.

Хотя он изо всех сил старался сохранять спокойствие, на самом деле все было непонятно, и самое главное – непонятно, как заставить этого человека говорить. Очень не хотелось раскрывать карты и предъявлять все козыри, но своим упёртым молчанием задержанный не оставлял ему другого выхода. Ракитин снял пальто, перекинул его через спинку стула, который освободил оперуполномоченный и, поддёрнув штанины, уселся.

– Ты ошибся, Сергей, – попытался он начать разговор. – Человек, которого ты застрелил, не имеет отношения к гибели твоей дочери.

Губы Велихова еле заметно дёрнулись, он поднял глаза на сидящего перед ним и сцепил руки в замок.

– Хочешь знать, почему? – прищурившись, поинтересовался полковник.

Велихов опять дернул губами, еле заметно разомкнул их и бросил:

– Ну?

Короткое слово прозвучало так тихо, что Ракитин скорее прочитал его по движению губ, чем расслышал.

– Потому что она жива!

Полковник, не отрываясь, смотрел на задержанного, ожидая увидеть бурную реакцию: радость, злость, грязные ругательства – но Велихов только прищурил правый глаз, поднял руку, поправил волосы на лбу и расслабленно откинулся на спинку стула. Несмотря на внешнюю безучастность, услышанное гранатой разорвалось в его душе, и в первые секунды он едва не сорвался с места в порыве охватившей его ярости. Нечто подобное он испытал, как только этот человек вошёл в допросную, однако сумел взять себя в руки и тогда, и сейчас. Понятно, что полковник не просто так появился здесь. Полицейские не могли за столь короткий срок установить его личность, тем более что при нём не было никаких документов, а его отпечатков пальцев нет ни в одной базе, кроме... Впрочем, и в базе ФСБ информация о нём доступна только очень ограниченному кругу лиц с самым высоким допуском секретности.

Задержав дыхание, Велихов напрягся и тянул время, пытаясь заставить Ракитина нервничать. Нервничать и допускать ошибки в игре, которую тот пытался затеять с ним. В том, что его арест часть какой-то игры спецслужб, он уверился с той секунды, как только увидел этого человека. И вот новая информация: дочь жива! Похоже, его просто развели. Заставили убить человека в белом плаще, крупного бизнесмена Самойлова, месяц назад совершившего ДТП, в котором погибли три человека. Тот смог выйти сухим из воды, суд снял с него все обвинения, и он продолжил жить обычной жизнью. Велихову не составило труда выследить этого человека и, как он считал, свершить правосудие. Именно ради этого он оставил размеренную спокойную жизнь в небольшом городке на юге Италии и отправился на родину.

Правосудие свершилось, только он, похоже, оказался игрушкой в руках Ракитина. Велихов не испытывал ни ненависти, ни желания расправиться с ним здесь и сейчас. Всё эти чувства он испытал много лет назад и со временем они переросли в привычное состояние, в уверенность, что он сможет привести в исполнение приговор, который вынес этому человеку. В самом начале это было похоже на состояние приговорённого к смертной казни, исполнение которой отсрочили на много лет, заставляя постоянно находиться в высочайшем нервном напряжении, доходящем до последней грани, до предела возможностей человеческого организма. Или на затаенный прыжок, когда не раскрылся парашют и ты теряешь дух, постепенно впадая в тихое безумие. Затем жизнь берёт своё, ты неизбежно привыкаешь к ожиданию, свыкаешься с этой мыслью и по прошествии времени она теряет свою пугающую остроту.

– Ты слышал, что я сказал?! – нетерпеливо спросил Ракитин. – Она жива!

Велихов равнодушно дернул плечами, словно отгоняя надоедливую комара, и впервые за всё время допроса перевёл взгляд на лицо полковника.

– Кто?

– Твоя дочь!

– Ну и хорошо. Что дальше? – равнодушно поинтересовался арестованный.

– Дальше я забираю тебя отсюда и мы продолжим разговор в другом месте.

– Нам есть о чём говорить?

– Думаю, найдём тему. Например, о нашем прошлом.

Несмотря на то, что предмет разговора не был до конца обозначен, оба отлично понимали о чем речь.

Из самых глухих закоулков памяти Сергея выплыл полумрак обставленного антикварной мебелью просторного кабинета в роскошном особняке в предместье Парижа. Распростертое тело грузного мужчины в белой рубашке и чёрных брюках на полу. Обтянутая черной курткой согнутая спина человека, сидящего на корточках перед открытым сейфом в стене. Он перебирает папки, которые только что достал, резко поворачивает голову в сторону вошедшего Велихова и вновь углубляется в работу. Рядом стоит и заглядывает сидящему через плечо второй человек, в такой же куртке, с длинноствольным пистолетом в правой руке.

– Семейку зачем? – глухо спрашивает Сергей.

Он только что вернулся в кабинет, обойдя дом и обнаружив в комнатах на втором этаже мёртвые тела женщины и двух девочек лет восьми – десяти. Стоящий на ногах медленно поворачивает к нему голову и небрежно двигает рукой с пистолетом. Конец глушителя описывает в воздухе круг и как бы невзначай замирает, направленный на Сергея.

– Какая разница? – кривится Ракитин. – Ты всё проверил?

Велихов коротко кивает головой, не сводя глаз с его лица.

– Есть! – произнёс человек, сидящий на корточках, закрыл папку и поднялся.

Почти одновременно с его возгласом прозвучал громкий хлопок. Сергей почувствовал безумно болезненный удар в грудь, в область сердца. Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Он тихо вскрикнул и рухнул на пол лицом вперёд. Ракитин быстро перевёл ствол на второго, но не успел выстрелить – тот перехватил руку с пистолетом и провёл подсечку. Ракитин грохнулся на пол, а противник, отпрыгнув в сторону, рванулся к открытой двери кабинета. Через секунды его спина мелькнула в проёме, раздался хлопок, он вскрикнул, схватился за бок, но устоял на ногах и скрылся за притолокой. Из коридора слышалось, как он убегает. Ракитин вскочил на ноги и бросился следом. Вскоре звуки погони удалились, и только чёткий звук хода напольных часов нарушал зловещую тишину. Сергей тяжело перевернулся на спину, рванул куртку на груди, нащупал застрявшую в бронежилете пулю и хрипло выдохнул. Он и по прошествии стольких лет не мог себе объяснить, что заставило его надеть броник в тот день – это было не в его правилах. Но в очередном задании им ощущалась какая-то гниль: был неприятен и новый напарник, и его недомолвки о цели налёта на этот дом, и причины предстоящей ликвидации хозяина. До этого дня Велихов просто выполнял свою работу и тут же уходил, а здесь увидел, как третий член их команды, некто Пол, вскрыл сейф и начал искать какие-то документы. А потом...

Сергей с трудом поднялся на ноги и проковылял к открытому сейфу. На нижней полке громоздились пачки купюр, с краю лежали два чёрных флокированных футляра – в таких обычно хранят драгоценности. Прекрасно понимая, что вряд ли сможет вернуться на квартиру, где они втроём готовились к ликвидации, он несколько секунд постоял в раздумье, затем быстро сгрёб содержимое нижней полки в лежащий на столе портфель и двинул на выход. Пока он не разберётся, что же произошло и как из всего этого выбраться, нужно будет где-то отсиживаться, а значит потребуются деньги и на жильё, и на новые документы.

В холле придорожного отеля в Сюрене, ближайшем пригороде Парижа, было пустынно. Мадам средних лет, приятная на вид, густо накрашенная и с кокетливой причёской, одарила его вполне искренней улыбкой – наверняка уже не ожидала, что сегодня к ним кто-нибудь заглянет. Лишняя купюра сошла за документ, и он без проблем получил ключи от маленького, но на удивление чистого номера. Каждый его вздох отзывался болью в груди – по-видимому, трещина в одном из рёбер. Пришлось дотащиться до ближайшей ночной аптеки, запастись обезболивающими и эластичными бинтами для тугой повязки. Он отвратительно спал ночью: мешало то ли нервное напряжение, то ли повреждённое ребро. Лишь к утру ему удалось забыться тяжёлым, тревожным сном. На второй день он почувствовал некоторое облегчение.

Отсиживаться после проведённой операции Велихову было не в новинку, только сейчас ситуация оказалась не стандартной. В прошлом за ним стояло государство с его мощной структурой, а сейчас он оказался один, без поддержки, и не мог сообразить – кому можно доверять, кому нет. Мысленно Сергей снова и снова возвращался к событиям, приведшим его в этот отель, прокручивал каждый эпизод. Он клял себя за нерешительность, за то, что не прислушался к собственной интуиции и в результате оказался марионеткой в руках умелого кукловода.

На третий день утром Велихов вышел из отеля с твердым намерением не откладывая двинуть в Париж, встретиться с руководителем агентурно-боевой группы и расставить все точки

над «и». Покинув вагон пригородного поезда, он прошёл несколько кварталов в сторону центра города, нашёл таксофон и набрал номер.

– Да. Я слушаю, – прозвучал знакомый голос.

Сергей облегчённо выдохнул и бросил в трубку:

– Добрый день, я сегодня работаю до девятнадцати ноль-ноль.

На другом конце провода повисла напряжённая тишина, затем послышался лёгкое покашливание.

– Последнее время ты часто задерживаешься, – прозвучал наконец отзыв на пароль. Голос ответившего казался немного взволнованным, и Велихов напрягся. – Я рад, что ты жив, но...

– Что происходит? – рявкнул Сергей, пренебрегая всеми правилами конспирации. – Нужна встреча.

Даже не видя собеседника, Велихов почувствовал, что тот покачал головой.

– Макс доложил, что вы с Полом пытались сорвать операцию, пытались убить его, и он вынужден был вас обоих ликвидировать. Ты умер. Так что, такие дела...

– Он всё врёт! – прорычал Велихов.

– Я догадываюсь, только... У тебя есть доказательства? Если нет, то лучше ныряй поглубже. И ты мне не звонил.

На другом конце повесили трубку, и Сергей остался один на один со своими проблемами. Он чувствовал себя так, как будто его столкнули в пропасть, и он летит вниз без надежды на спасение. Сжимая в руке безмолвную трубку, он стоял в оцепенении, пока его не окликнула нервная пожилая женщина, стоящая в очереди к таксофону. Извинившись, он аккуратно повесил трубку на рычаг и быстро зашагал в сторону вокзала.

Нырять поглубже было не впервой, это он умел. Нырять приходилось после каждой проведённой операции, и отсиживаться, пока не утихнет шум. Только нырнуть и вынырнуть через некоторое время – это одно, а нырнуть так, чтобы тебя сочли утонувшим – совсем другое. Как ни странно, ни злости, ни разочарования он больше не испытывал. Всё куда-то подевалось, вытесненное обдумыванием плана бегства из города. Все потом, потом – когда он окажется в безопасности, далеко от этого места, где за ним начнут охотиться и свои, и чужие. Страха за собственное будущее не было. Деньги имелись в достатке, поэтому документы не проблема, а со временем всё можно будет исправить. Кому положено – разберётся, кто прав, кто виноват. А сейчас, вперёд! Он вышел на перрон, заскочил в вагон пригородного поезда и рухнул на мягкое кожаное кресло.

Взгляд Велихова уже не был пустым. Он смотрел прямо в лицо полковнику, как через прицел, будто мысленно гладил пальцем курок: еще миллиметр, ещё... Задавленный глушителем выстрел – и этот человек расплатится за содеянное. Почему-то Ракитин решил, что может свободно двигать фигуры в партии и при этом устанавливать свои правила игры. Животное. Для таких, как он – это просто способ выживания. Никакой морали – сплошные инстинкты: пить, жрать, трахаться... Сейчас его можно достать одним броском, вцепиться в горло и вырвать кадык. Завести левую ногу под стул, упереться в пол, правую чуть выдвинуть вперёд. Для того чтобы совершить это, нужно секунды две – задержать дыхание, успокоиться, как перед выстрелом. Чёрт! Дочь! Она ведь у них... Придётся ждать. Стиснув зубы, терпеть эту мразь и ждать.

Велихов слегка тряхнул головой, коротко выдохнул и расслабился.

Полковник тоже изучал лицо сидящего на стуле и пытался убедить себя, что не ошибся, рассчитал всё верно. Впрочем, а был ли у него другой выход, кроме как вытащить его из норы и заставить помогать им? Велихова, подтянутого, с остатками летнего загара на лице, нельзя было назвать ни молодым, ни человеком средних лет. Коротко постриженные тёмные волосы

с легкой сединой, резкие черты лица, спокойный жёсткий взгляд карих глаз. Именно глаза и взгляд давали уверенность, что перед ним сидит старый знакомый. В остальном лицо изменено до неузнаваемости, наверняка над ним поработал пластический хирург.

– Что тебе нужно? – бросил Велихов.

– Узнаешь. Сейчас мы с тобой уедем отсюда. А завтра решим, что и как.

– Решим, или ты решишь? – процедил Сергей.

– Будет зависеть от тебя, – довольно осклабился полковник.

Когда они вышли на улицу, уже совсем стемнело. Где-то вдали светился одинокий фонарь. Свежий, слегка морозный воздух бодрил после душного, пропитанного неприятными запахами помещения. Сергей, которого крепко держали за локти двое парней в кожанках, незаметно повел головой, осматривая улицу. Он не собирался бежать, хотя, оценив обстановку, по привычке мгновенно составил план побега. Ни парни, вцепившиеся в его локти, ни наручники, ни Ракитин, стоящий у припаркованной возле тротуара машины, не смогли бы помешать ему. Более того, полковник сам бы оказался у него в заложниках, ну а парни... Парней пришлось бы валить наглухо. Неприятно заныло где-то в груди. Наглухо! Молодые, здоровые, верящие, что творят добро, но, по-видимому, не осознающие до конца, с кем имеют дело. Простые оперативники. Ракитин стоит, гордо вскинув голову, упиваясь своей победой: считает его дочь достаточной для себя страховкой. Как всё-таки сытая жизнь расслабляет людей, заставляет забыть инструкции... Нет, он не будет его разочаровывать. Пусть полковник и дальше наслаждается своей властью над ним. Пусть думает, что поймал его за кадык и крепко держит, что ему уже не вырваться. Терпение! Нужно же узнать, почему разыграли столь сложную партию, чтобы достать его...

Ракитин открыл заднюю дверь внедорожника, парни подтолкнули Велихова, и он покорно полез в салон. «Кожанки» уселись по обе стороны от него, плотно зажав своими крепкими боками. Ракитин взгромоздился на переднее пассажирское сиденье и жестом приказал водителю трогать. В тот же момент сидящий справа от Сергея натянул ему на голову вязаную шапочку, закрывая лицо до самой шеи.

«Ну хоть что-то по инструкции», – усмехнулся про себя пленник, откинулся на спинку сиденья и расслабился.

Через полчаса быстрой езды машина затормозила, послышался характерный звук открывающихся ворот, они опять медленно покатали вперёд и, наконец, остановились. Один из парней сдернул шапку с головы Сергея и выпрыгнул из салона авто.

– Выходи! – коротко приказал он, чуть отойдя в сторону от двери.

Пленник осторожно ступил на асфальт площадки перед окруженным вековыми соснами старым двухэтажным особняком. Оперативник тут же подтолкнул его вперёд, к открытой настежь входной двери, где Ракитин снял с него наручники и любезным жестом пригласил пройти внутрь. Большой холл с двумя кожаными диванами и парой кресел, низенький столик перед ними, белые стены и тяжелые, наглухо задёрнутые, серые портьеры, лестница на второй этаж. Их встречали три сотрудника в тёмных строгих костюмах, которые не только по внешнему виду, но и по поведению разительно отличались от сопровождавших пленника оперативников. «Спецсы, волкодавы, – мелькнуло в голове у Велихова, – этих просто так не вырубить». Впрочем, он по-прежнему не собирался предпринимать никаких действий. Война план покажет, ну а потом... Потом видно будет.

– Отведите его в шестой номер, – бросил полковник охранникам и добавил, обращаясь непосредственно к Велихову: – Сегодня отдыхай, а с утра... В общем, понял.

Он развернулся, вышел на улицу, и через секунды послышался звук отъезжающей машины.

Шестой номер находился на втором этаже, куда вела довольно широкая деревянная лестница с резными перилами. Сопровождавшие Велихова сотрудники прекрасно знали и чётко

соблюдали инструкции. По всей видимости, они были предупреждены, с кем имеют дело, и не собирались давать пленнику никаких шансов для побега. Один из них быстро взбежал по лестнице и замер на верхней площадке, второй подтолкнул Велихова вперед и, когда тот начал подниматься по ступеням, последовал сзади на некотором расстоянии. Они преодолели половину пути, и вслед за ними двинулся третий. Широкий коридор второго этажа с рядами крепких дубовых дверей по обе стороны заканчивался высоким окном, до самого пола занавешенным белыми сетчатыми гардинами. Первый охранник открыл ключом одну из дверей и распахнул её.

Едва Велихов шагнул в комнату с застоявшимся воздухом – ему показалось, что пахнет старыми газетами, – как входная дверь захлопнулась за его спиной. Он прошел к окну, отдернул штору, немного повозился со шпингалетами и потянул на себя створку. Та распахнулась, и в комнату ворвался сырой, пахнущий мокрой землёй и прелыми листьями осенний воздух. Сергей ухватился рукой за толстый прут решётки и выглянул наружу. Окружающее дом пространство скрывалось в промозглой тьме, огромные сосны и уходящая от дома бетонная дорожка – вот и всё, что он смог рассмотреть из окна. Он прикрыл створку, оставив только узкую щель, и осмотрелся. Судя по интерьеру, особняк был построен ещё в тридцатые годы прошлого века и практически не претерпел изменений с тех пор. Деревянные панели, доходящие почти до середины стен, мебель из той же эпохи: широченная кровать, две тумбочки, огромный двухстворчатый шкаф, стол и два венских стула.

Велихов подошёл к старинному зеркалу в деревянной раме, ухватил себя за небритый подбородок и повертел головой. Хорош! Стареешь... Вляпался по самое не хочу. Он приблизил лицо к зеркальной поверхности, внимательно всмотрелся в отражение. До сих пор не смог привыкнуть к своему новому облику, хотя с момента той злосчастной аварии прошло уже десять лет. Лопнула шина переднего колеса, и его автомобиль, перевернувшись на трассе, рухнул с обрыва, превращаясь в комок искореженного металла, но, на его счастье, не взорвался. Ни одной серьезной травмы, если не считать треснувших рёбер, растяжений и ушибов, а вот лицо неслабо пострадало. Нет, он не скучал по своей прошлой внешности, да и о чём было жалеть? Он никогда не считал себя красавцем, поэтому попросил хирурга, собиравшего его лицо по кусочкам, не пытаться воссоздавать оригинал, и тот придал ему довольно brutальный вид. Теперь Сергей, с его подтянутой спортивной фигурой, несмотря на возраст выглядел довольно привлекательно. Он выделялся из толпы, и женщины стали задерживать на нём взгляды. С одной стороны, это было хорошо, но только с одной – в смысле женщин. В остальном – совершенно не годилось для оперативной работы, тем более работы разведчика. Это в кино шпионы сплошь широкоплечие здоровяки с суровыми лицами, цепкими взглядами и квадратными подбородками, в жизни такой типаж абсолютно не годился на эту роль. Прежнее лицо Сергея было бы абсолютно невыразительным и незапоминающимся, если бы не яркие и красивые карие глаза, совершенно не сочетающиеся с остальными заурядными чертами. Но этот «недостаток» он всегда ловко скрывал за стеклами слегка тонированных очков.

Велихов ещё с минуту придирчиво рассматривал своё отражение, трогая пальцами припухший подбородок и ссадину на макушке. Рана пустяковая, кровь уже не шла, хотя не мешало бы обработать чем-нибудь. Он отвернулся от зеркала, сбросил кожанку на кресло и, на ходу стягивая с себя свитер, пошёл в ванную комнату. Окинул взглядом стены, выложенные слегка поблекшим от времени кафелем, сантехнику брежневских времён, открыл кран над чугунной ванной, попробовал рукой воду и удовлетворённо кхекнул. Горячий душ – самое то, чтобы привести себя в чувство. Уперев поднятые над головой руки в стену, он довольно долго стоял под приятно массирующими спину струями из душевой лейки, затем тщательно намылился с головы до ног, а когда смыл пенные хлопья, почувствовал, как из тела уходит усталость. Тщательно вытершись жестким махровым полотенцем, он оделся, осторожно, двумя пальцами взял лежащую на стеклянной полке перед зеркалом расчёску и внимательно осмотрел её. То

же проделал с зубной щёткой. Надо же, новые... Вернув щётку на место, расчесал волосы, стараясь не задеть рану на голове, и вернулся в комнату.

Вперив взгляд в матовую черноту ночи, Сергей застыл у окна. Он вновь чувствовал себя внутри системы. Системы, которая порождает таких циничных чудовищ, как Ракитин. Тех, для кого при достижении цели не существует никаких норм морали и нравственности. Давно забытое чувство... Впрочем, раньше он и сам не заморачивался в выборе средств при выполнении заданий, оставляя за собой шлейф боли и пустоты. Он убивал и не чувствовал никакой вины; наводил ствол пистолета, смотрел в помутневшие от страха глаза, нажимал на курок. Погашенный глушителем звук, отдача от выстрела, запах пороховой гари – дело сделано. И ничего уже не изменишь, не искупишь, и теперь ему приходится жить с этим. Всё произошедшее за последний месяц напрочь сломало с трудом выстроенную размеренную жизнь. Человек из прошлого грубо и дерзко вмешался в его судьбу.

Заворочался ключ в замке. Велихов прикрыл створку окна и повернулся к двери. Держа в руках поднос с ужином, в комнату боком протиснулся один из охранников. Сергей молча наблюдал за ним, не преминув отметить, что второй стоит в дверном проёме с пистолетом наизготовку – чётко соблюдают инструкцию. Вошедший аккуратно поставил поднос на стол, попятился к выходу, вышел в коридор и захлопнул дверь. Сергей подошел и, не присаживаясь, устался на поднос. Есть не хотелось, несмотря на то что кроме пары глотков пива в его желудке с утра ничего не побывало. Натюрморт – гречка, две котлеты, тонко нарезанный кружками огурец на отдельной тарелке, три кусочка хлеба и стакан компота – вызвал лёгкую улыбку. Где-то очень глубоко внутри колыхнулись воспоминания: школьная столовая, затем армейская – практически всегда один и тот же ассортимент. Слегка наклонившись, он втянул носом воздух: а ничего, может и вкусно... Запах котлет пробудил аппетит, в животе заурчало, и Сергей быстро устроился за столом. Котлетки оказались нежными и сочными, не в пример давним, из его юности: те были жирные сухари, перемешанные с жилистым фаршем, и резко пахли чесноком. Кто-то из поваров поведал ему, что чеснок добавляли в больших количествах, чтобы скрыть запах несвежего мяса. Рассыпчатая гречка, пропитанная сытной мясной подливкой, даже на вид отличалась от советской, общепитовский. Сергей вооружился ложкой – единственным столовым прибором на подносе, – и быстро принялся за ужин. По привычке, возникшей ещё в далёком детстве, когда они с братом наперегонки уплетали еду с одной сковороды, он менее чем за минуту очистил стоящие на подносе тарелки, оближал ложку и расслабленно откинулся на спинку стула. Мозг отреагировал на сытый желудок, потихоньку впадая в блаженно-сонливое состояние. Велихов тряхнул головой, отгоняя сон, дошел до кровати и завалился прямо на покрывало.

Мысли, запертые в подсознании, которые он подавлял все последние часы – мысли о дочери – предательски зашевелились в голове, вызывая чувство острой досады и раздражения. Получалось, что сам того не желая, он подставил её. Виноват, кругом виноват! Если бы тогда пуля, застрявшая в бронике, достигла цели, то не было бы всего этого. Дочь жила бы спокойно, училась в университете, гуляла с друзьями и не стала бы разменной монетой в грязной игре, затеянной «конторой». Велихов заложил руки за голову, потянулся и резко выдохнул. Если бы да кабы! Если бы... Если бы не умерла мама, если бы он не поехал на похороны, если бы не встретил одноклассницу Аню, если бы она просто шуганула его и Даша не появилась бы на свет. Если, если, если... Чёрт, что он несёт! На самом деле существует только одно «если»: Ракитин и тот, кто стоит за ним. Именно они сломали ему карьеру и саму жизнь. Кем бы он был сейчас, если бы не они, если бы не их подстава? Хотя его, нынешнего, абсолютно не прельщала карьера цепного пса государства – киллера-ликвидатора, исполнителя непонятных приговоров.

Велихов прикрыл глаза. В памяти начали всплывать картины прошлого: такие яркие, такие... что сердце замерло и ухнуло вниз, а в груди сразу сделалось томительно-сладко. Детство, юность... Залитые жарким летним солнцем поля вокруг родного села, на небе ни облачка,

белая полоска тянется за самолётом, и они с братом, бредущие по пыльной дороге. Ему девять, Вовке десять. Оба загорелые почти до черноты, ноги в старых полукедах утопают в пыли. Вместе взявшись за дужку, они несут тяжелое оцинкованное ведро, доверху заполненное водой. Там плещутся четыре крупных зеркальных карпа, периодически ударяют хвостами, пытаясь выпрыгнуть из тесного плена на дорогу. Тяжело, они устали, но не сдаются. Не доходя до начала улицы, сворачивают в степь, чтобы не попасться на глаза сельчанам: ловить рыбу на колхозных прудах строго запрещено. Несмотря на запрет, все мужики на селе промышляют рыбалкой, однако если про мальчишечий улов узнает председатель, отца оштрафуют. А уж он выпишет им по полной – не за то, что рыбачили, а за то, что попались. Так выпишет, что полней уже не может быть, пару дней придется сидеть боком. Поэтому до дома приходится добираться огородами. Вот и родной забор. Отодвинув в стороны две штакетины, они протиснулись с добычей через узкий проем во двор и быстро засеменили к дому, попутно расплещивая воду. Тяжело дыша, поставили ведро у крыльца и едва опустили худые задницы на деревянные ступеньки, как за спиной скрипнула дверь и их коротко стриженные головы дернулись от увесистых подзатыльников.

– Что, лихоимцы, опять за своё?! – крикнула вслед улепётывающим прочь сыновьям мама. Потом заглянула в ведро, покачала головой и улыбнулась.

Две стриженные головы с опаской наблюдали за ней из-за сарая. Мама спустилась с крыльца, подняла ведро и вылила воду на землю.

– Идите завтракать, – призывно махнув рукой, громко позвала она ребят, прихватила их добычу и вернулась в дом.

Сергей с братом выскочили из-за своего укрытия и вприпрыжку последовали за ней. Они не успели добежать даже до крыльца, когда со знакомым скрипом медленно открылась калитка и во двор вошёл председатель колхоза в сопровождении двух членов правления: моложавой женщины-бухгалтера Зинаиды и бригадира дяди Коли, их соседа. Ребята застыли с перекошенными от страха лицами, а миг спустя, как по команде, снова рванули за сарай. Они ни на секунду не усомнились в том, что попались, и председатель пришёл к ним во двор по поводу пойманной рыбы.

Руководитель колхоза остановился посередине двора, вытер пот со лба клетчатым носовым платком размером с наволочку от подушки, сунул его в карман и, покачав головой, неуверенно переставляя ноги, направился к крыльцу. Члены правления двинулись за ним. Перед тем как потянуть за ручку двери, председатель тяжело выдохнул. Когда его спина в промокшей от пота белой рубашке скрылась в проеме, Зинаида и дядя Коля нерешительно потоптались на крыльце и тоже вошли. Пацаны с тревогой выглядывали из-за угла и вдруг слышали истошный крик матери, а затем её прерывистый, разрывающий душу вой. Они недоуменно переглянулись, молча кивнули друг другу и, понурив головы, потащились к дому – на неминуемую расправу. Зинаида, с красными от слёз глазами, уже стояла на крыльце, и когда мальчишки приблизились, неожиданно сгребла их в охапку, крепко прижала к себе и тоже тихонько завывала. Ребята подняли лица, вглядываясь в лицо женщины, тщетно пытаясь понять, что же произошло. Через несколько минут из дома появились мужчины. Председатель аккуратно погладил их по головам и тяжело вздохнул. Дядя Коля только нервно пожал плечами, достал папиросы и, чиркнув спичкой, закурил. Так, в затаившемся напряжённом молчании, все стояли ещё некоторое время, затем пацаны вывернулись из объятий Зинаиды и осторожно ступили в открытую дверь. Мама сидела на стуле у окна, безвольно опустив руки между колен и уставившись перед собой пустым, обреченным взглядом заплаканных глаз. Сыновья замерли на некотором отдалении, не решаясь потревожить её. Через несколько секунд, словно очнувшись, она, тяжело всхлипнув, перевела на них глаза и тихонько заскулила. Непонятная тревога заставила мальчишек кинуться к матери, и та, как Зинаида несколько минут назад, обхватила их руками и прижала к себе.

– Нету больше папки нашего... – тихо, надрывно простонала она.

Трагедия произошла ранним утром. Тяжелый трактор не удержался на обрыве и резко опрокинулся на берег пруда, где работала бригада отца. Трех человека просто раздавило огромной машиной.

Это уже были неприятные воспоминания, которые Сергей всегда пытался заглушить, изгнать. Но память упорно возвращала его к этим событиям, вводя в напряжённо-нервное состояние, туманя разум, не давая мысли оставаться холодной, четкой и ясной.

Через месяц после похорон отца они собрали вещи и переехали на окраину Краснодара, в родительский дом матери – там жила её сестра Зоя, она и настояла на переезде. Зоя работала в привокзальном буфете, и как раз в это время её напарница ушла на пенсию. С чужим человеком мамина сестра работать не хотела и решила воспользоваться ситуацией, чтобы сделать из буфета семейное предприятие – в условиях тотального продуктового дефицита это было золотой жилой.

За свою недолгую жизнь Сергей с братом всего пару раз выезжали за пределы села с отцом, когда тот сопровождал машины с живой рыбой – и каждой поездке предшествовали долгие уговоры. Сейчас же мальчишкам казалось, что они попали в другой мир, в другую жизнь – совсем непохожую на их прежнюю. Конечно, и своих друзей, и жутко надоевшую, но сейчас кажущуюся такой родной школу было жалко до слёз, но... Неделя – и круговорот новых впечатлений вытеснил всё прежнее из памяти. Даже мама, вынужденная налаживать быт на новом месте, окунуться в новые заботы, немного позабыла о постигшем её горе. Конечно, если говорить о быте, то особо налаживать было нечего. После смерти родителей – они умерли пару лет назад с разницей в полгода – Зоя практически полностью перестроила дом. У неё тогда появился молодой ухажёр, и женщина всерьёз рассчитывала создать семью, но не сложилось: парень оказался банальным альфонсом, да ещё страдал игроманией. Он почти целый год тянул из неё деньги и успешно просаживал их на местном катране. Всё закончилось грандиозными разборками. Парень проиграл крупную сумму, влез в долги, и в один прекрасный день из дома бесследно исчезли все ценные вещи, тёткины украшения и отложенные в зачатку деньги. Но Зоя умела постоять за себя, да и местные менты были ей не чужие. Когда ухажер понял, что его могут надолго закрыть, то вернул украденное и дал дёру. В итоге большой дом так и остался стоять полупустым.

Работая на «хлебном» месте, Зоя не страдала от отсутствия финансов и связей. За пару дней они с мамой приобрели новую мебель, новую одежду для ребят, портфели и прочие нужные и ненужные, с точки зрения пацанов, вещи. Всё было в новинку, необычно и безумно приятно. Через неделю мама вышла на работу в буфет, ребята отправились в школу и жизнь покатила своим чередом.

Чудесная и беззаботная пора, наполненная волшебством и искренней радостью, смелыми мечтами, верой в сказку, в победу добра. Пора, когда все еще впереди... Счастье и беспечность, полет фантазий и ветреность. Братьям всё давалось слишком легко: учёба, спорт, уважение сверстников. Они во всём были первыми, пока Володя не сломал колено. Лыжники со всего города давно облюбовали склон глубокого и бесконечно длинного оврага. Там, в компании таких же бесшабашных друзей, братья проводили и зимние вечера, и выходные. До изнеможения, до полной потери сил скатывались они раз за разом вниз, сигая с небольшого трамплина. Свист ветра в ушах и радостные, восторженные крики друзей, если полёт удавался особенно длинным. Конечно, падали, конечно, больно бились о накатанный до блеска снежный склон, но разве какая-то боль сравнится с диким восторгом друзей, когда ты дальше, выше, быстрее! Брату не повезло. Результат: две операции, полгода в гипсе и почти негнувшийся сустав. Сергею казалось, что Володя словно застыл, скованный своим несчастьем – замкнулся, стал мрачным, нелюдимым. Они всегда были вместе, и хотя Сергей по-прежнему мог позволить себе всё, что доступно молодому здоровому парню, он не хотел бросать брата и стал подстраивать свою

жизнь сообразно его возможностям: были забыты занятия спортом, лыжи, коньки и велосипед, забыты многие друзья. Временами ему казалось, что его собственное колено тоже потеряло подвижность. Однако молодость берёт своё, со многим справляется. Молодость – она такая, всё перемелет. Время не стоит на месте. Здоров ты, болен, счастлив или не очень. Просто нужно подождать, придёт время.

Так и случилось. Вскоре они стали воспринимать своё положение как досадную неизбежность. Когда новый тёткин ухажёр дядя Слава, отставной подполковник и начальник местного ДОСААФ, привёл их в стрелковую секцию – это оказалось вполне доступным для Володи занятием, а уж Сергей... Он и представить не мог, что его так зацепит оружие, так понравится стрелять. Ощущать щекой прохладную гладкую поверхность приклада, замирать, прислушиваясь к биению сердца, плавно спускать курок в паузе между ударами, чувствовать, как вылетает пуля. Именно чувствовать! Иногда он даже толком не целился, просто наводил оружие на мишень и точно попадал в цель. Володя относился к походам в секцию как к приятному времяпрепровождению, более сосредоточившись на учёбе, а Сергей же окунулся в новое занятие с головой. Нет, он не забросил учёбу, не желая склочных разборок с мамой, но только ради того, чтобы не задавали лишних вопросов и не мешали посещать стрелковую секцию. В последнем классе школы произошёл срыв, Сергей слетел с катушек: стал гораздо хуже учиться, изредка прогуливал школу и игнорировал предметы, которые не нравились – те, что нужно было зубрить до посинения. Однако аттестата и полученных знаний хватило, чтобы оба брата поступили на юридический в соседнем городе.

Знаний Сергею хватило, терпения – нет. Хоть стреляйте, но он был твёрдо убежден, что вуз – не то, за что надо класть жизнь. Корпеть над учебниками – ещё чего?! Никаких логических объяснений своему поведению он дать не мог. Хотелось движения, адреналина, разогнать кровь по венам, и он решил бросить учёбу. Вова пытался уговорить брата не рубить с плеча, но не сумел. В итоге обучение Сергея в институте закончилось через два месяца. Он написал заявление, уехал домой и через неделю ушёл в армию по спецнабору. От предложенной дядей Славой помощи с отсрочкой он наотрез отказался, но не стал перечить, чтобы тот договорился о его службе в Ленинграде, на полигоне, где испытывали стрелковое оружие.

Воинская часть, куда прибыл служить новобранец, располагалась в заповедном лесном массиве и считалась элитной, хотя все атрибуты Советской армии, включая дедовщину, в подразделении присутствовали. Здесь Сергею движения хватало, но не того, о каком мечталось – одна тупая муштра и тяжёлая монотонная работа изо дня в день. Всё изменилось, когда он в первый раз попал на испытательный полигон. Разнообразие стрелкового оружия, которое там отстреливали, привело парня в дикий восторг. Само собой, никто не собирался допускать к испытаниям солдат роты обслуживания, в их задачу входило таскать тяжёлые ящики с боеприпасами и собирать отстрелянные гильзы, но само присутствие в таком интересном месте уже воодушевляло Сергея.

Через несколько месяцев, освоившись в армейской среде, он набрался наглости и попросил у своего взводного разрешения пострелять из нового автомата. Старлей дар речи потерял от такой наглости, но стоявший рядом с ними молодой капитан в форме сотрудника госбезопасности насмешливо скривился и молча протянул Велихову оружие. Одиночными, затем короткими очередями, он начал неспешно класть на землю мишень за мишенью. Капитан молча наблюдал, одобрительно хмыкая при каждом выстреле и когда Сергей закончил стрельбу, одобрительно хлопнул его по плечу.

– Где так насобачился, боец? Охотник?

– Спортсмен, – коротко бросил Сергей.

С того самого дня, как только офицер появлялся в части, Велихов сопровождал его на стрельбы, и не только. Капитан вёл себя с ним как с равным. Такое отношение старшего и по возрасту, и по званию льстило девятнадцатилетнему парню, выросшему без отца. Вскоре он

и думать ни о чём не мог, кроме карьеры военного. Через полгода Сергей стал кандидатом в члены партии, затем получил направление в высшую школу КГБ – и жизнь покатила в заданном направлении. После окончания «вышки» его вызвали для собеседования, где, в частности, был задан вопрос: готов ли он пожертвовать жизнью ради выполнения задания Родины? Тогда он был готов – не просто готов, а прямо рвался принести себя в жертву. Его зачислили в спецгруппу. Ежедневные тяжелые, утомительные тренировки в тренажерном зале, рукопашный бой, стрельба из пистолетов, снайперских винтовок советских и иностранных образцов, тактическая подготовка, изучение языков... Но самое тяжкое – никаких контактов с родственниками, никаких отпусков. В последний раз Сергей видел родных на похоронах матери в девяносто первом, сразу после выпуска из высшей школы КГБ.

Он приучил себя не думать об этом, да и некогда было, старался быть и был лучшим, всегда и во всем. Через год он уже жил в Европе – просто жил. Два года на адаптацию, никаких контактов, никаких заданий. Казалось, про него просто забыли, но нет – свое первое задание он выполнял в группе таких же, как он, спецов, и всё прошло гладко. Потом были задания для одиночки. Его ценили, он чувствовал, что нужен стране, что делает большое, важное дело. А в итоге что? Герой невидимого фронта на обочине, списан в утиль, блин. Всё для родины, а родина ему... в общем, понятно... Так-то!

Его ум блуждал, как во время скучной беседы и, хотя он гнал от себя мысли о дочери, мозг извернулся и в голове всплыл образ Даши. Вместе с ним возникло навязчивое, паническое ощущение необходимости что-то срочно предпринять. Но что-то предпринимать в таком состоянии – это как гасить пожар, подливая горючее в пламя, как сдирать засохшие струпья с раны, чтобы быстрее зажила. Поэтому все последние часы он старательно пытался абстрагироваться от всего, что мешало адекватно воспринимать происходящее. Сейчас нужно просто замереть, выждать время и без лишних эмоций, трезво и безучастно оценить ситуацию. Однако им настойчиво овладевало остервенение, как при первом известии о гибели Даши и сообщении брата о похоронах в закрытом гробу тела, искорёженного до полной неузнаваемости. Остервенение извивающимся червяком вползло в мозг, как и месяц назад, пытаясь превратить его в мясника – с жадной убийства в глазах и ненавистью в сердце. Мысль о мести разъедает человека изнутри, убивает не предмет её возникновения, а душу, внутренний мир её нынешнего хозяина, делает его безумным. Он уже не способен провести черту между добром и злом, теряет духовное и сердечное тепло, внутри остается только вакуум. Именно так он и впал в неконтролируемую ярость, допустил ошибку, которая привела его в руки врагов. Сергей крепко сжал зубы, резко выдохнул и сфокусировался на мысли о том, что его дочь жива, а с остальным он разберётся.

Лежа на спине, он вытянул руки вдоль тела ладонями вверх, сомкнул веки и максимально расслабил все мышцы. Через минуту дыхание стало ровным, замедленным, и он погрузился в глубокий сон.

Откинувшись на спинку заднего сиденья автомобиля, который уносил их прочь от служебной дачи обратно в столицу, Ракитин напряжённо размышлял. Сидящий рядом оперативник покосился на начальника и осторожно бросил, как бы ни к кому не обращаясь:

– Интересно, что это он всё время повторял?

Ракитин мгновенно открыл глаза, прищурился и вкрадчиво уточнил:

– Кто? Задержанный?

– Ну да, – кивнул оперативник. – Несколько раз, как заведённый. Язык какой-то странный.

Полковник презрительно скривил рот и с хрустом склонил голову на бок.

– Это молитва, – пояснил он.

– Че-е-его? – вытаращился опер.

– Молитва по усопшим, на латыни! Традиция у него такая! – раздражённо рявкнул Ракитин. Затем, через паузу, добавил презрительно, сквозь зубы: – Пижон!

– А что... – открыл было рот оперативник, собираясь продолжить беседу, но полковник злобно зыркнул на него исподлобья, и тот мгновенно умолк.

Ракитин вновь закрыл глаза, стараясь подавить зародившееся где-то внутри и рвущееся наружу тревожное чувство. Как только он открывал глаза, на него накатывала нервная дрожь злости. Хотелось врезать от души сидящему рядом, услышать треск ломающихся костей, глухой вскрик. Сделать больно, чтобы кто-нибудь разделил с ним неконтролируемое раздражение, страх возможной неудачи.

Захват состоялся, однако не всё прошло так, как планировал Ракитин. По его представлению, Велихов должен был появиться у брата, или начать следить за виновником смерти дочери, чтобы похитить его для мести. Но того, что этот человек хладнокровно, без лишних разговоров расстреляет Самойлова, притом показательно, на глазах у толпы свидетелей, он не мог предположить и в страшном сне. Теперь выплыла проблема: как скрыть его от полиции? Конечно, подобными вещами им заниматься не в новинку. Скорее всего, придётся подсунуть полицейским какой-нибудь обгоревший труп и выдать его за Велихова: мол, ликвидирован при попытке к бегству, сгорел в машине. Это прокатит, но как же не хотелось делать лишние телодвижения, которые всегда оставляют след.

Вскоре справа потянулись дома спального района московской окраины и, когда вдалеке мелькнула красная буква «М», Ракитин, ткнув пальцем в плечо водителя, приказал остановиться.

– Свободны, – бросил он пассажирам. – Дальше на метро.

Оперативники молча покинули салон автомобиля и неспешно двинули по направлению к видневшейся за деревьями красной букве.

Полковник кинул взгляд на циферблат своих дорогих часов и коротко бросил:

– В Пожарский переулок.

Из панорамных окон роскошного пентхауса с идеально продуманной планировкой, площадью в триста квадратных метров, открываются неповторимые виды на Зачатьевский монастырь. Сердце Остоженки, главного центра исторической, политической, культурной и деловой жизни города, первые строчки в рейтинге самого дорогого жилья в Москве.

В ответ на призывную мелодию домофона Павел Иванович Грязнов – бывший генерал ФСБ, а ныне сенатор – быстро поднялся из глубокого кресла перед камином и прошел в просторную прихожую. Он был высок и подтянут, несмотря на шестьдесят лет, походка лёгкая, кротко стриженные тёмные с проседью волосы, ухоженная кожа гладко выбритого лица. Тонкий хлопковый джемпер и черные, спортивного покроя брюки плотно облегли крепкую поджарую фигуру. В чём в чём, а в одежде сенатор знал толк и к её выбору подходил очень серьёзно, как и ко всему остальному, касающемуся внешности; а уж в заботе о собственном здоровье он с юности доходил просто до фанатизма. По сути, Грязнов был патологическим трусом и всегда цеплялся за жизнь, не гнушаясь ничем. Заложенный с детства комплекс неполноценности заставлял его бояться всего: милиции, начальства, друзей, от которых он всегда ожидал подлянки, слухов и кривотолков. Опасаясь за свою жизнь, он напрочь отвергал всякий экстрим, однако обстоятельства сложились так, что ему пришлось достаточно часто попадать в опасные ситуации по долгу службы. Впрочем, служить в органы он тоже пошёл из-за страха. Страх перед будущим, страха оказаться незащищённым – а служба в силовых струк-

турах представлялась ему наиболее приемлемым способом обезопасить своё существование. Как ни странно, но благодаря постоянно испытываемым страхам закомплексованный трус смог сделать успешную карьеру. Он жутко боялся, что кому-то станет известно, кто он есть на самом деле, и этот страх побеждал все остальные, заставляя совершать немыслимые для него подвиги. Он ненавидел, порочил, уничтожал тех людей, которые могли знать его – настоящего. Ум, изошрённый в подлости, помог стать тем, кем он был сейчас: одним из представителей элиты общества, вершителем судеб с правом не просто приказывать людям, а втапывать их в грязь, унижать, лишать их человеческого достоинства – просто так, без острой необходимости, лишь ради того, чтобы в очередной раз вдохнуть сладкий дурман упоения властью.

У него было всё, даже то, о чём в юности он не мог и мечтать, поэтому Грязнов полностью уверился в своей непогрешимости, безнаказанности, важности. Но неожиданно прочность его благополучия оказалось под угрозой. Один из бывших коллег, с которым он имел давнишний и обострившийся с годами конфликт, тайком начал копаться в его прошлом. Когда Грязнов узнал об этом, жизнь вновь превратилась в череду ночных кошмаров, скрытого страха, преследующего его по пятам, постоянного чувства уязвимости. Конечно, он, имевший безупречный послужной список, мог бы наплевать на тайное расследование, в его личном деле не было никаких чёрных пятен и тёмных историй, он давно избавился от всего, что могло бросить тень на его кристальную репутацию – не только от документов, но и от людей. Однако несколько месяцев назад в одном из французских журналов опубликовали информацию о торговцах оружием, связанных с режимом свергнутого Каддафи и правительством Франции. Это был направленный удар по партии, лидирующей в предвыборной гонке – обычный чёрный пиар, казалось бы, не имеющий к нему никакого отношения. Вернее сказать, что он не имел никакого отношения к этой грязной игре французских политиков, но... Сенатор достоверно знал, у кого хранилась эта информация и кто мог слить её журналистам. Знал, что в этой же папке, которую много лет назад безуспешно пытался добыть его человек, хранилось еще кое-что, способное не только похоронить его доброе имя честного чекиста, но и привести на скамью подсудимых. Не дай бог информация попадёт в правильные руки, в руки его врагов – уж они расстараятся... Достаточно будет по ходу расследования дополнительно сопоставить некоторые факты и даты, и тогда неизвестно, какие ещё давние подробности его биографии всплывут.

Генерала приводило в бешенство набившее оскомину определение «лихие девяностые». Лихие! Да, тогда казалось – вот она, беспредельная свобода... Свобода? Нет, нет! Вседозволенность! Предчувствие, что наконец этот обрыдлый мир всеобщего равенства исчезнет. Он не мог, да и не пытался припомнить, когда началось отторжение, когда в нём зародилось ощущение, что он не часть этого огромного советского рая, если даже воспоминания о счастливом детстве превратились в унылую тягомотину. Хотя, пожалуй, это началось намного раньше, чем перестала существовать система, заставлявшая его маршировать в одном строю ровно по линейке, прочерченной для всех граждан страны. А он никогда не считал себя «всеми», не считал, что ему по пути с этими «всеми».

Всё менялось на глазах, рушилось, превращаясь в мусор и пыль, а из-под этих обломков выползали новые хозяева жизни. Они не хотели довольствоваться малым – они хотели всё. Всё и сейчас. Как озверевшие мародёры они бросились разбирать по кирпичику пошатнувшееся здание советской экономики, добывая огромных, хорошо настроенных гигантов, обрекая на нищету обученный и сплоченный персонал, подбиравшийся десятилетиями: инженеров, конструкторов, слесарей, токарей высочайшей квалификации. Всё разваливалось, люди вместе со своими предприятиями влачили жалкое существование, но верхам, озабоченным борьбой за власть, было глубоко наплевать, кто и за чей счет выживет. Повторилось, как на заре двадцатого века: «до основанья, а затем...». Только никто не мог предсказать, что будет «затем», да и не собирався предсказывать. На помощь вновьявленным мародёрам в страну ринулись зарубежные мошенники, искатели приключений, разведчики всех мастей и стран – с предложениями

всего чего угодно. Обладая зачастую огромными материальными ресурсами, они выстраивали отношения в правительственных кругах, обрастали связями, добивались нужных постановлений и указов отнюдь не в интересах страны, а с единственной целью – завладеть каким-нибудь имуществом или вывезти из России хоть что-то, имеющее ценность. Руководители принимали их предложения, видя в этом шанс для сохранения предприятий и коллективов. Лакомым куском для зарубежных дельцов было советское оружие – самая ликвидная ценность, не имеющая сроков годности, востребованная на мировом рынке. Сотрудники некогда всемогущего КГБ беспомощно взирали на эту вакханалию. Да и что они могли сделать, если в это самое время разделялось, а по сути, раздиралось на части их родное ведомство. Орган, пугающий своим существованием новую, ещё не до конца сформировавшуюся власть, практически уничтожали. Тогда у многих сотрудников сдавали нервы, они начали пачками увольняться – кто в поисках лучшей жизни, кто под давлением обстоятельств или руководства. Грязнова тоже трясло не подетски, но он, в отличие от многих, удержался на плаву, разразившаяся буря обошла стороной.

Он несколько лет курировал НИИ, являвшийся флагманом советской оборонки, поэтому именно на него вышел человек и предложил на первый взгляд выгодный контракт – с просто астрономической цифрой, готовой обрушиться на российский ВПК. Забыв о долге и осторожности, Грязнов словно в омут окунулся в работу с заокеанскими партнёрами, тем более что их шустрый представитель имел на руках постановление правительства с одобрением проекта, которое открывало поистине безграничные возможности созданному совместному предприятию. Как и под какие посулы был получен этот документ, Грязнов не понимал и сейчас, только на самом деле никто не собирался выполнять условия сделки, вся деятельность совместного предприятия свелась к банальной контрабанде военной техники и вооружения. Но самым болезненным для Грязнова был тот факт, что он допустил иностранных партнёров к сверхсекретным новейшим разработкам, которые те благополучно украли и перепродали конкурентам российского военпрома. И если вся деятельность по торговле оружием была согласована с вышестоящим руководством, то передавать секретные материалы иностранным партнёрам его никто не уполномочивал – это была его личная инициатива, его прокол. Тогда его просто купили и, как он впоследствии понял, довольно задешево купили. Впоследствии – да! Но в те годы эти копейки казались ему огромным состоянием, ступенькой наверх, ступенькой в элиту. Эх, кто же мог предвидеть, что со временем всё устаканится и его контора, претерпев реорганизацию, как феникс возродится из пепла; что он займет в ней достойное место, позволившее стать не просто богатым, но и весьма влиятельным. Конечно, в 90-х он ничего этого не знал, только трясся от неопределённости и пытался урвать хоть что-нибудь, как ему казалось – напоследок. К счастью, всё обошлось: эту историю вместе со множеством подобных историй не стали раздувать и благополучно похоронили в братской могиле – огромной яме, оставшейся после разграбления постсоветского наследства. Однако бывший партнёр не собирался ничего забывать и спустя некоторое время напомнил о себе.

Тогда многие сотрудники ФСБ и полиции были уже серьезно коррумпированы – это стало вполне обыденным явлением. Они включались в различные криминальные бизнес-схемы, открывали предприятия на родственников, отжимали действующий бизнес у конкурентов и не только, возбуждали уголовные дела по сфабрикованным обвинениям и именно этим были заняты в свое служебное время. По сути, те, кто должен был бороться с преступностью, сами являлись преступниками, а заниматься своими непосредственными обязанностями им было некогда. Так что появление старого «товарища» хоть и оказалось неожиданным, но отнюдь не напугало Грязнова. Высокопоставленного офицера ФСБ напрягало лишь то, что этот человек знал достаточно, чтобы держать его на коротком поводке.

Шло время, русские транспортные самолёты без опознавательных знаков бороздили воздушное пространство половины мира, доставляя контрабандное оружие. Деньги текли рекой, однако в трусливой душе Грязнова накапливался гнев, становившийся просто нестерпимым

– мерзкое, выворачивающее наизнанку чувство. Звериное чутье подсказывало ему, что дальнейшее сотрудничество с партнёром может закончиться плачевно. Где бы он ни был, что бы ни делал, эти мысли постоянной занозой зудели в голове и причиняли нечеловеческие мучения. Надо валить этого урода, валить всех! Всех, кто его окружает, со всем их дерьмом!

Осуществить это стоило ему невероятных усилий. Тогда он еще не мог в одиночку принимать такие решения – необходимо было согласовывать с руководством, уговорить, найти объяснение необходимости ликвидации, разработать конкретные операции. Удалось. Крови было много. Ликвидация всех бизнес-партнёров прошла по намеченному плану: один утонул во время прогулки на яхте, второго нашли где-то в Испании с десятком ножевых ран, третьего вместе с семьёй расстреляли на собственной вилле под Парижем. Только в ходе этой последней операции произошёл сбой. Грязнов так и не получил финансовых документов, ради которых, в частности, и было устроено кровавое шоу. А теперь, по прошествии стольких лет, ускользнувший от его сотрудника человек начал сливать информацию в прессу. В принципе, Грязнов был почти уверен, что нынешний обладатель папки с бумагами не рискнёт обнародовать информацию о его участии в давних делишках. В конце концов, для этого человека молчание являлось некой страховкой от мести всемогущего генерала. Однако, когда Грязнов поделился своими мыслями с Ракитиным, тот немедленно предложил план по изъятию документов.

Расплывшееся по экрану домофона лицо охранника доложило, что к нему прибыл гость. Грязнов приказал пропустить, повернул ручку замка на входной двери и приоткрыл её. Через минуту в прихожей появился Ракитин, стащил пальто, повесил его на крюк вешалки и последовал за хозяином, который уже скрылся в глубине квартиры. Сенатор плеснул коньяк в бокалы, стоящие на низком столике перед диваном, устроился в своем кресле, пригубил янтарную жидкость и молча вопросительно воззрился на гостя. Тот плавно опустился на подушку кожаного дивана, взял в руку бокал, понюхал, смочил губы и, выдержав короткую паузу, выдал:

– Всё хорошо, всё по плану.

– По плану? – вкрадчиво уточнил хозяин, и тут же грозно рявкнул: – Ты так считаешь? Стрельба из дробовика, труп на стоянке – это твой план?!

– Ерунда. Главное, что мы его взяли и...

– Взяти его не вы, а полиция, – нервно перебил Грязнов.

Ракитин хмуро зыркнул на генерала, напрягся, недовольно скривил рот и поставил бокал на столик. Сенатор, не отрывая взгляда от лица гостя, мысленно чертыхнулся. Он пытался держать себя в руках, но из него просто пёрло раздражение и недовольство действиями полковника. Накопившаяся за часы ожидания ярость давила изнутри, требуя выхода, однако сейчас Грязнов зависел от сидящего перед ним человека, поэтому последним усилием воли он натянул на лицо маску радушия и криво улыбнулся.

– Ладно, ладно, забыли. Как думаешь разруливать ситуацию?

– Как обычно. Завтра утром мы вывезем его с дачи. По дороге он попытается бежать, ну и...

Ракитин выразительно покрутил в воздухе указательным пальцем, изобразив затягивающуюся петлю и цокнул языком. Лицо генерала удивлённо вытянулось.

– Ты что, ликвидировать его собираешься?

Теперь удивлённо вытаращился полковник.

– Нет, конечно. Но для всех он должен умереть. С утра подберем в морге труп, усадим в машину, на которой он якобы попытается сбежать, и сожжём всё это к чертям. А нашего «друга» перевезём на квартиру и начнём с ним работать. Всё, как обычно, и пусть полиция расследует это дело.

– Хлопотно, – покачал головой хозяин квартиры. – Топорно и бестолково, но должно сработать.

- Без вариантов.
- А почему с утра? Где твои сейчас?
- Домой едут.
- Или в баре сидят, – процедил сквозь зубы генерал.

Ракитин укоризненно скривился и покачал головой.

- Не сидят. Они правила знают. Пока не закончена операция – никакой выпивки.

– Тогда тормози их и пусть к утру всё приготовят. Он должен исчезнуть как можно скорее, пока кто-нибудь не заинтересовался его личностью. И дело о побеге возьми на контроль, чтобы без сюрпризов. С прокуратурой я сам разберусь, с этой стороны проблем не будет.

Ракитин непроизвольно набрал в лёгкие воздух, собираясь тяжело вздохнуть, но сдержался. Коротко и неслышно выдохнул, достал телефон. Он старался говорить и выглядеть спокойно, хотя внутри закипала злость на генерала. Какого хрена нужно сейчас его людям трястись в морг, таскаться полночи с трупом, и завтра, не выспавшись, проворачивать серьёзную операцию? Однако Ракитин не стал спорить и отдал указания: без лишних подробностей, разъяснений. Всё и так было обговорено заранее, его подручные чётко знали, что и как делать. Отключив телефон, он устало откинулся на спинку дивана. Раздражение не проходило, а только нарастало, упрямо стремясь вырваться наружу, и причина была вовсе не в неуместных указаниях Грязнова. В последнее время оно возникало практически каждый раз при общении с генералом.

Ракитин никак не мог преодолеть полковничий барьер, барьер своей нынешней должности, и возненавидел своего босса, считая, что в этом виноват именно он. Положение Ракитина в конторе напрямую зависело от Грязнова: приблизив к себе, тот поднял его на почти недостижимую высоту. Но со временем полковник привык к своему положению, этого стало казаться недостаточно. Все последние годы он стремился прорваться выше по служебной лестнице, но всякий раз упирался в потолок, и со временем убедился, что этот потолок организовал именно Грязнов, который, по-видимому, боялся потерять своё влияние на полковника и всячески сдерживал его карьерный рост. Ракитин сознавал, что сейчас он может двигаться только по горизонтали, ни о каком движении вверх и речи нет. Мальчик на побегушках у отставного генерала – вот его высшее достижение. Это ужасно бесило, но в данный момент выхода он не видел и пока тихо сидел в засаде, накапливая злость и силы. В событиях последних месяцев полковник наконец увидел возможность сбросить с себя опостылевшее ярмо, мало того – набросить удавку на шею самого генерала. Как же, очень нужно рвать жилы и устраивать весь этот балаган ради спокойствия Грязнова! Нет, его задача – получить компромат на своего благодетеля, а там уж он развернётся... Самому Ракитину не очень-то хотелось ворошить прошлое и вытаскивать на свет скелеты, похороненные давным-давно, но в сложившихся обстоятельствах он не видел иного выхода. Конечно, учитывая личность Велихова и его подготовку, существовала некоторая опасность, однако в случае успеха Ракитин предвидел такие дивиденды, что решил – игра стоит свеч. Много лет назад, сразу после неудачи в Париже, он вплотную занимался поисками Велихова и Полунина – второго члена группы. Отработал все их возможные связи в России, родственников, друзей. Однако время шло, а исчезнувшие сразу после акции сотрудники нигде не объявлялись. Через год наблюдение с их семей сняли и всё было тихо, пока недавно один из разыскиваемых не напомнил о своем существовании.

Генерал вновь приложился к бокалу, внимательно вглядываясь в лицо собеседника. Несмотря на годы совместной работы и неоднократные доказательства преданности со стороны полковника, Грязнов всё равно относился к нему с подозрением. Без повода – просто не доверял, потому что не доверял никому. По мнению генерала, Ракитин был отъявленным мерзавцем, способным на любую подлость, но именно это качество он и ценил в нём.

Юра Ракитин, коренной москвич в пятом поколении, родился в обыкновенной советской семье учителей английского языка. Крепкий, шустрый, довольно сообразительный мальчишка

стал центром мира для родителей, а его воспитание – единственным смыслом их жизни. Оба были уверены в исключительности и неординарности своего чада и планомерно навязывали ему роль образцового мальчика. Он должен был быть исключительно вежливым, демонстрировать свои таланты и выделяться среди других детей. Родители строили честолюбивые планы на будущее сына и с затаенной озабоченностью наблюдали за каждым проявлением в его жизни. С таким отношением Юра мог превратиться в избалованного семейного деспота, несамостоятельного и переоценивающего себя, но вмешался случай. Родителям выпала почти неслыханная по тем временам удача – работа за границей. Они и не помышляли оставлять сына, однако воспротивилась бабушка: ни о каком отъезде внука в дикую, по её мнению, Монголию, она и слышать не хотела. В итоге маленький Ракитин остался в Москве, переехал в просторную квартиру родителей отца, и вектор его воспитания круто поменялся на противоположный – никакой исключительности! При этом старики поощряли инициативу, любое увлечение внука, стараясь без нажима направлять его устремления в правильное русло. В результате через семь лет, когда родители вернулись в Союз, нерастраченная любовь к сыну уже не могла его испортить. Впрочем, советская школа тоже не преуспела в этом, и вырос Юра обычным парнем: в меру симпатичным, в меру добрым, в меру воспитанным. Среди сверстников он ничем особо не выделялся, разве что знанием английского, который в его семье использовали почти наравне с родным, и он волей-неволей прекрасно овладел языком. Его аттестат об окончании школы выглядел достойно, но уровень знаний не подходил для элитных вузов с высоким конкурсом. Впрочем, Юре было всё равно где учиться, лишь бы не загреметь в армию, поэтому, когда родители предложили идти в иняз, он не стал сопротивляться и поступил туда довольно легко.

Парень с восторгом окунулся в новую студенческую жизнь с её особой культурой, немного легкомысленной и распутной. Учёба – не главное, тем более что давалась она довольно легко. Главное – новые друзья, увлечения, новое мировоззрение и восторг от кажущейся взрослости. Несмелые укоры родителей по поводу поздних возвращений и запаха спиртного его не останавливали, Юра просто игнорировал их, считая себя вправе иметь собственную жизнь.

Как в тумане ему вспоминался тот морозный вечер, когда они шумной компанией завалялись в кафе и устроили с иностранными студентами скандал, закончившийся потасовкой. Именно потасовкой, не дракой, не разгромом заведения. Пара его новых друзей всего лишь схватили за грудки двоих иностранцев, но тут как из-под земли появился наряд милиции: остаток вечера и ночь студенты провели в отделении. По мере того, как из головы выветривались пары алкоголя, в мозг Юры вползала страшная мысль о последствиях вечеринки. Из всей компании только он и ещё один студент были москвичами, остальные —приезжие. Их уводили на допрос поодиночке, и никто не возвращался в обшарпанный коридор, где другие дожидались своей участи. Когда настала очередь Ракитина, его привели в маленький кабинет, там с трудом помещались стол, два стула у стены и несколько книжных полок, заставленных пыльными папками. За столом восседал человек в тёмно-сером костюме, с за ним, справа – ещё одна дверь.

Так вот куда девались ребята после допроса, тоскливо подумал Юра, чувствуя, как сжимается сердце, словно его стиснула чья-то грубая рука. Рука сидящего за столом, когда Юра пожимал её, напротив, оказалась довольно мягкой и прохладной. Этот жест милиционера или кем он там являлся, удивил, но несколько успокоил парня. Мужчина предложил присесть, подтолкнул в его сторону пачку сигарет «Ява» и пепельницу, а когда Юра отрицательно мотнул головой, сам достал сигарету и закурил. Неловко устроившись на краешке стула, студент трясся от страха в ожидании начала допроса, но человек за столом молчал и смотрел на него в упор усталым взглядом, периодически затягиваясь и выпуская перед собой клубы сизого дыма. Наконец он докурил, медленно затолкал окурки в пепельницу и взял в руки студенческий билет Ракитина.

– Ну что, Юрий Петрович, – начал он тихим вкрадчивым голосом, – кто из вас задумал эту провокацию?

Юра хотел возмущённо возразить, но под пронизывающим его взглядом слова застряли в горле тошнотворным комом, и он хрипло закашлялся. По спине градом покатил пот, тело стало вялым и непослушным, живот скрутило судорогой.

– Не, не, – только и смог он выдать. – Я не...

– Да ты успокойся, – подбодрил его мужчина. – Выдохни.

Неожиданно разговор приобрел миролюбивый характер: мол, ничего страшного не случилось, с каждым бывает, дело житейское. Да и парень ты вроде неплохой, и товарищи о тебе хорошо отзываются, поэтому тебе, Юрик, беспокоиться не о чем. Он так и сказал: «Юрик», и так это прозвучало по-домашнему, по-панибратски, что вселило в парня надежду на благополучный исход дела. Далее его расспрашивали о семье, учёбе, увлечениях, товарищах по институту. Ракитин воспарил духом и говорил, говорил, говорил... Он вывалил новому знакомому даже то, в чём не до конца мог признаться себе, то, что скрывал глубоко в душе. Беседа закончилась предложением: он, Юрик, должен выполнять некоторые поручения. Тогда они показались парню вполне невинными: рассказывать, о чём говорят студенты, чем увлекаются, где покупают одежду, пластинки и прочую заграничную лабуду. Юра охотно согласился, и показилось...

Умелые руки вылепили из него профессионального стукача. Почти год Юрик исправно писал доносы на своих товарищей: собутельников, преподавателей и иностранных студентов. Итогом его деятельности стало обвинение группы студентов и нескольких преподавателей в антисоветской деятельности. Правда, никого так и не посадили, но жизнь людям испортили. Сгорел и сам Ракитин, теперь он не мог оставаться в стенах вуза. Однако кураторы его не бросили, и оказался он в «Вышке», Высшей школе КГБ – о чём никогда не жалел. Мало того, распробовав вкус власти над людьми, он уже не мог без этого и желал её всё больше и больше.

Ракитин терпеливо ждал, пока генерал задумчиво пялился то на него, то на бокал в своей руке, изредка втягивая ноздрями аромат коньяка. Полковник давным-давно изучил привычки своего шефа и знал, что сейчас тот не размышляет, а просто тупит, снимает нервное напряжение. Подождём, нам не впервой наблюдать за тобой...

Наблюдать и собирать компромат было любимым занятием полковника. Компромат на всех, кто когда-либо попадал в его поле зрения, в том числе и на своего благодетеля. Только пока еще собранное на Грязнова не тянуло на громкое дело. Конечно, подорвать репутацию могло, но опять же, могло и не сработать – и тогда жди «обратку» и сам камнем на дно. Нет, так не годится. Нужны железные аргументы, железобетонные, чтобы мокрого места не осталось. А кому их занести, он знает – там только и ждут повода сожрать сенатора с потрохами. Поэтому Велихов – это шанс. Должен он знать, где закопался этот Полуниин, должен. Он упёртый, наверняка отыскал Пола, чтобы выяснить, почему так всё вышло в Париже. Может, уже и грохнул его, а документы забрал, и публикация – его рук дело? Поиздержался? Хотя насчёт поиздержался – это вряд ли. Перед глазами Ракитина до сих пор стояла картина с открытым сейфом, забитым пачками денег. А ещё не давали покоя чёрные футляры, в каких обычно хранят драгоценности. Когда после безуспешной погони за Полуниным он вернулся назад, то с удивлением обнаружил, что убитый Велихов исчез, а вместе с ним исчезло все содержимое сейфа. С досады он добавил свинца из своего пистолета в тело хозяина дома, распростёртое на полу, и быстро свалил. Нет, Велихов, поиздержаться ты не мог, а вот отомстить – это более вероятно. Тогда почему просто не опубликовал материал на Грязнова, чтобы утопить его? Хотя нет, не туда меня несёт – Велихов про участие Грязнова в своей судьбе ни сном ни духом. Не знает он заказчика. Прочитать-то материалы он мог, но там не только на генерала, там и на других дерьма полно. Эх, получить бы эту папочку поскорее!

У Ракитина от такой перспективы зачесалась спина, и он машинально заёрзал на диване. Грязнов отреагировал на это движение, слегка вздрогнул. Казалось, что он удивлен, обнаружив в своей гостиной еще одного человека.

– Ты уверен, что вариант с дочерью сработает? – тщательно выговаривая слова, поинтересовался генерал.

– Это один из вариантов. Девчонку мы использовали для того, чтобы выманить Велихова в Россию. А сейчас она, по сути, отработанный материал. Конечно, я попробую надавить на него через дочь – но если не получится, мы исключим её из схемы.

– Исключим – это как? Ликвидировать?

– По документам она уже мертва. Так что проблем не вижу. Как только закончим с Велиховым, сразу зачистимся.

– Откуда она у него взялась вообще? В его деле не было никаких данных.

– Я, когда его брата пробивал, выяснил, что у того дочь приёмная. Оказалось – это ребёнок Велихова-младшего. От какой-то шалавы местной.

– Шалавы?

– Ну а как? Она когда родила, через год ребёнка его брату подкинула и сбежала с каким-то нариком в Сочи. Через два года их нашли холодными, с передозом.

– Получается, что он дочь никогда не видел?

– Видел! – заверил Ракитин. – Девчонка умная, симпатичная, считает папу дипломатом. Мы всё из неё вытянули. Он каждый год приезжал, вроде как в отпуск.

Полковник достал из внутреннего кармана пиджака фото и положил на стол перед генералом. С фотокарточки глядело очаровательное создание с тонкими, правильными чертами нежного лица, с припухлыми, красиво очерченными губами. У девушки были удивительные, почти детские, широко распахнутые глаза. Она выглядела ровесницей дочери Грязнова от второго брака, и в душе генерала на мгновение что-то шевельнулось, но тут же замерло. Он качнул головой и отодвинул фото.

– Каждый год, говоришь. Это что, он десять лет подряд спокойно приезжал в Россию? Как же ты его пропустил?

– Вы не забывайте, с кем мы имеем дело.

– Помню. Таких сейчас не делают, однако это с тебя вины не снимает. И сейчас вы его практически упустили. Если бы он сам не подставился, хрен бы вы его взяли.

– Как только бы он убрал Самойлова, взяли, – заверил полковник. – На это и был расчёт. У брата, на могиле дочери, где-нибудь еще – наш друг проявился бы. А Самойлов просто приманка. Его смерть – сигнал, что Велихов в стране.

– Где девчонку держишь?

– За городом. У моего человека, на даче. Мы ей наплели, что отец в опасности, что и ей угрожает опасность, что нужно уехать, спрятаться на время. Так что без проблем.

– Хорошо, занимайся.

Грязнов осторожно отодвинул недопитый бокал в сторону и встал, давая понять, что полковнику пора. Ракитин легко поднялся со своего места и протянул на прощание руку.

Высокий парень в черной короткой кожанке коротко бросил в трубку мобильного:

– Понял, сделаем.

Ткнул пальцем в экран, сунул телефон в задний карман джинсов и повернулся к стоящему рядом товарищу.

– Отдохнули, блин. Ловим такси и едем за машиной. Шеф сказал заняться трупом для завтрашней акции.

– До утра не терпит? – зевнул второй и поддёргнул вверх воротник коричневой кожаной куртки.

– Толя, не гунди. Мне тоже не улыбается на ночь глядя тащиться в морг.

- Ты, Тима, Мирона набери. Вдруг он свалил куда, или нажрался.
- Будем на колёсах – звякну. Погнали.

Они быстро двинули через площадь перед станцией метро к видневшимся на противоположной стороне машинам такси. Через полчаса ребята стояли в операционной районного морга, перед столом для вскрытия тел. На столе лежал обнажённый труп худощавого мужчины лет сорока, с густо заросшим тёмной щетиной лицом и копной спутанных волос.

– Ну что, годится? – глухим басом поинтересовался тучный человек в халате на голое тело – из ворота выглядывала черная поросль. Задав вопрос, он коротко икнул, и Тимур, скривившись, помахал перед носом ладонью.

– Дыши в сторону, Мироча, а то я закусь не прихватил.

– Его печёнку будешь? – хохотнул Мирон, двинув головой в сторону трупа на столе. – Свежак, только что вырезали.

Тимур исподлобья злобно зыркнул на шутника и брезгливо процедил:

– Себе оставь, каннибал! Годится! Одевай!

Он кивнул напарнику и Анатолий бросил Мирону большой белый пакет с одеждой.

Через час в багажнике лежал труп неизвестного, уже в джинсах и свитере, а они катили в сторону Можайского шоссе. На выезде из города свернули с трассы на боковое ответвление и метров через пятьсот остановились перед ржавыми металлическими воротами, над которыми виднелась крыша бетонного строения. Выбравшийся наружу Толик открыл ключом навесной замок, с противным скрежетом распахнул створки. Машина въехала на территорию и встала рядом с точно таким же «Опелем», припаркованным у здания. Тимур быстро перебрался за руль машины-близнеца, оглянулся по сторонам и скомандовал:

– Погнали назад. Может, ещё поспать успеем.

Толик запер автомобиль с трупом, устроился рядом с водителем и грустно предположил:

– Завоняется до завтра.

– Не должен. Подморозило уже. К утру нормальный минус будет.

– ... девяносто восемь, девяносто девять, сто!

Сергей закончил отсчёт отжиманиям, на секунду замер, упираясь вытянутыми руками в пол, резко подтянул колени к груди и, оттолкнувшись, встал на ноги. Он несколько раз поднял и опустил руки, восстанавливая дыхание, затем уселся на пол, завел ноги под кровать и принялся качать пресс. Вскоре мышцы на животе заныли от боли, но он продолжал резко поднимать торс, пока боль не стала нестерпимой и тело не забастовало. Вновь несколько подъемов рук, затем бой с тенью. Рука, нога, нырок, уход. Рука, нога, нырок, уход. Сергей делал серии отработанных до автоматизма движений с лёгкостью парящей над цветком бабочки. В течение всех этих лет он никогда не прекращал тренировки, оттачивал своё мастерство в бойцовских клубах, даже молодых ребят удивляя своей выносливостью и физической подготовкой.

Велихов остановился перед зеркалом, бегло взглянул на поджарое, мускулистое тело, машинально провёл рукой по волосам и отправился в душ. Резко повернув кран холодной воды, он почувствовал, как ледяные струи стеганули по разгорячённой коже спины – перехватило дыхание, мышцы напряглись. Он добавил горячей и блаженно застыл, чувствуя лёгкое покалывание в теле от притока крови. Когда заканчивал приводить себя в порядок, послышалось клацанье замка. Сергей толкнул дверь ванной, шагнул вперёд и застыл в дверном проеме. Явился Ракин. Не обращая внимания на Велихова, он прошёл в комнату, снял с вешалки его кожаное пальто и бросил на кровать стёганную куртку, которую принёс с собой.

– Это я заберу на экспертизу, – кивнул он на пальто. – Собирайся, через десять минут уезжаем.

Полковник быстрым шагом покинул номер, оставив дверь открытой, и тут же в комнату ступил охранник и замер, внимательно наблюдая за пленником. Второй маячил у него за спиной, в коридоре. Сергей быстро натянул свитер, накинул на плечи принесённую Ракитиным куртку, сунул руки в рукава и вопросительно воззрился на охранника. Тот достал наручники, приказал пленнику повернуться спиной и защёлкнул браслеты на его запястьях.

Ребята туго знают своё дело и не допускают промахов, раздражённо подумал Сергей. Пока он не планировал бежать, но чётко организованная работа конвоиров начинала беспокоить. Как ни крутись, а со скованными за спиной руками и такой охраной ни о каком побеге не стоило и мечтать. Его мысли вернулись к непонятным манипуляциям с его верхней одеждой. Словам Ракитина об экспертизе он не поверил. Какая, к чёрту, экспертиза – тут что-то другое. Хитрый, гад, какую-то мерзость очередную задумал. Ладно, увидим.

В сопровождении двух конвоиров Сергей двинулся к лестнице на первый этаж. Внизу в холле дожидались вчерашние опера, и надежда на успешный исход с побегом вспыхнула вновь. Эти двое сопляки, и если что, с ними будет справиться проще. Велихов натянул на лицо дурацкую маску приветливости и радостно закивал парням, однако их лица остались мрачно-напряженными, а стоящий первым ухватил Велихова под локоть и довольно грубо подтолкнул к выходу. Во дворе он усадил пленника на заднее сиденье светло-зелёного «опеля», устроился рядом и, едва второй уселся за руль, дал команду трогать. Стёкла в машине были не тонированными и на этот раз глаза Велихову ничем не прикрыли, видимо, чтобы не привлекать внимание жителей. Он мог полюбоваться на улицы коттеджного посёлка, по которым двигался автомобиль, хотя смотреть ранним утром было особо не на что, кроме высоченных заборов вдоль дороги, да выглядывающих из-за них верхних этажей домов. Перед выездом на трассу они проехали мимо стоящего на встречной обочине авто с одинокой фигурой девушки за рулём, и Сергея словно током ударило – настолько знакомым показался её облик. Он резко тряхнул головой, как бы прогоняя морок. Нет, не может быть. Совсем ты, парень, сдурел. Откуда она здесь? Нет, нет... Та, о ком напомнил силуэт девушки, должна быть за тысячи километров отсюда, там, где он оставил её, отправляясь в Россию.

Скованные за спиной руки начали затекать, он попытался поменять положение тела, но тут же получил локтем под рёбра.

– Сиди спокойно, – злобно прошипел сидящий рядом парень и двинул пленника ещё раз.

Через час езды по трассе они наконец прибыли на какую-то заброшенную базу. Посередине территории с остатками асфальтового покрытия стояло бетонное строение, напоминающее ангар: без окон, с огромными, под самую крышу, воротами. Выкарабкавшись из салона, Сергей с удивлением уставился на стоящую перед зданием машину, как две капли воды похожую на ту, что доставила его сюда. Сходство было абсолютным, включая номера.

Вот оно что... Теперь понятны манипуляции Ракитина с его кожанкой. Похоже, для всех Сергей Велихов должен сегодня умереть. Скорее всего, погибнуть в автокатастрофе при попытке к бегству. И труп, по-видимому, уже приготовлен, может даже в багажнике лежит, дожидается. Мастера! А впрочем, прикинул в уме пленник, это и хорошо. Значит, полковник затеял собственную, частную игру, не связанную с «конторой», и если удастся сбежать, то скорее всего разыскивать его будут вот эти двое и Ракитин. Плохо, что при таком раскладе его дочь подвергается ещё большей опасности: вряд ли эти упыри планируют оставлять свидетелей в живых после окончания операции. Жаль, что он пока не понял, зачем понадобился полковнику. Значит – терпение и терпение. Самое главное начнется после его «смерти», и тогда он всё узнает. А пока придётся ждать, изображая полную покорность и уныние.

Парни подхватили Сергея под руки и повели к небольшой распахнутой двери в воротах ангара. Внутри царил полумрак, и, войдя с улицы, он не сразу разглядел в углу огромного зала клетку, сваренную из толстой арматуры. Именно туда его и запихнули, а на дверь навесили мощный кодовый замок.

- Наручники снимите, – потребовал Велихов.
- Обойдётся, – небрежно бросил парень в чёрной куртке.
- А если в туалет? – настаивал Сергей.
- Ты глухой? Сказал, обойдётся. Потерпишь.

Велихов понял, что спорить бесполезно, замолчал и привалился спиной к задней решётке. Когда конвоиры удалились, он оказался почти в полной темноте и несколько минут стоял неподвижно, пока глаза не стали различать контуры решётки. После уселся на дощатый пол, подтянул ноги к груди и пропустил их через скованные руки. Сквозь прутья решетки подергал замок, просто так, для проформы – ясное дело, открыть не получится. Убедившись в невозможности побега, уселся на пол, зажал начинающие замерзать руки между колен и закрыл глаза. Через какое-то время он задремал, провалился в полусон, наполненный видениями: дочь, идущая ему навстречу с растопыренными руками, девушка в стоящем у обочины автомобиле, так похожая на ту, которая осталась в далёкой стране...

- Мила, – прошептал он беззвучно, одними губами.

Проводив глазами «опель», в котором везли Велихова, Мила через зеркало заднего вида несколько секунд наблюдала за удаляющимся авто, затем включила зажигание и рванула вдогонку.

Милица, единственная дочь известного в Приштине адвоката Алекса Варги, росла в любви и заботе, была шустрой, живой, разговорчивой и ласковой девочкой. Алекс, при посторонних довольно чопорный человек, в домашней обстановке превращался в веселого и нежного отца, всегда и во всем готового потакать дочери. Он души не чаял в маленькой красавице, исполнял любые капризы и вообще всячески баловал ее. Мила искренне верила в сказки, в исполнение загаданных желаний, верила, что их семейный островок, дающий счастье обыденности, будет существовать вечно. Повзрослев, она стала мечтать о встрече с принцем на белом коне, о большой и чистой любви. Желаящих добиться её внимания было в избытке, многие даже нравились ей, но никто не дотягивал до нарисованного в мечтах идеала: храброго рыцаря, способного совершить подвиг ради неё. Такого, каким был отец для мамы. В свое время ее мама, дочь высокопоставленного чиновника, получила хорошее образование, но стала домохозяйкой, посвятила свою жизнь семье. В самых светлых воспоминаниях Милицы всегда присутствовала мама, точнее, её руки, тёплые и мягкие, её успокаивающий шепот. Только мама была способна понять и разделить с ней и минуты отчаяния, и детские страхи, и юношеские мечты. Мама всегда была рядом – незримой тенью, ангелом-хранителем.

Девочка жила в мире, до краев наполненном любовью и заботой близких: сначала училась в школе, затем в университете на филологическом, занималась спортом и, по мнению тренера, делала поразительные успехи. Казалось, она просто порхает над жизнью, как маленькая лёгкая бабочка, собирающая с цветов нектар. Двое её старших братьев пошли по стопам отца и занимались юридическим бизнесом. Смуглые, румяные, весёлые, с карими глазами и каштановыми волосами, они хоть и не были близнецами, но поражали схожестью не только лиц, но и характеров. Дом был для Милицы крепостью, в несокрушимость которой она свято верила, а за его стенами защитой служили братья – и не дай бог было кому-нибудь бросить хоть один косой взгляд в её сторону.

Приштина – обычный провинциальный город. Зелёные улицы, исторические памятники и средневековые монастыри, неплохие рестораны, расслабленные, никуда не спешащие горожане и терпкий кофейный аромат, плывущий над этой беззаботной картиной. Однако внешнее благополучие являлось всего лишь тонкой, непрочной завесой от ненависти, которой были пропитаны дома и мостовые этого древнего города. Здесь жили сербы, считающие мусуль-

ман-албанцев дикарями, которые мечтают разрушить Косовский край – их древнюю святыню, и албанцы, в свою очередь жаждущие изгнать захватчиков-сербов с их земли, из их родного Косово. Оба народа люто ненавидели друг друга, и чем дальше, тем больше кипела ненависть в сердцах жителей. Прелестный с виду город на поверку оказался пороховой бочкой с зажжённым фитилём, довольно коротким – так что до взрыва оставалось не так уж много времени.

Милице было пятнадцать, когда в Косовском крае начали действовать вооруженные группы албанцев, нападавших на полицейские патрули и мирных сербов. На первых порах местная полиция сама справлялась с атаками, но когда начались налеты на военные объекты и погранзаставы, к борьбе с вооруженными бандитами подключилась армия. Пока еще война в автономии не началась, она была где-то далеко – в Боснии, Хорватии – и существовала надежда, что беда пройдет мимо. Даже когда бомбили Белград, в Косово жили относительно мирной жизнью. И все же катастрофа неумолимо надвигалась. В 1998 году и здесь начались настоящие бои, которые охватили практически весь край. Приштина не стала исключением: на улицах некогда мирного города шли ожесточённые перестрелки, взрывались бомбы, гибли люди. Сербов массово изгоняли из Косово албанцев, разрешая взять с собой лишь деньги, драгоценности и документы. Сёла зачищала милиция, да еще отряды добровольцев, половина из них – откровенные наркоманы и отморозки. Этнические чистки, которые проводили полубандитские военизированные формирования сербов, совмещавшие убийства албанцев с откровенными грабежами, стали обыденным делом. В ответ албанцы начали массово уничтожать сербские деревни. А когда в конфликт вмешалось НАТО, Приштина превратилась в настоящий ад: её бомбили постоянно, каждые пять минут. Разбомбили всё, и центр, и окраины – обстоятельно, методично, квартал за кварталом. А когда разрушать было уже нечего, сбрасывали бомбы на руины.

Распродавая нажитое за долгие годы имущество, семья Алекса Варги кое-как пережила войну, только братья Милицы, ушедшие в ополчение чуть ли не с первых дней противостояния, сгинули в этой межэтнической мясорубке. Что ждало впереди? Белград капитулировал, последовал короткий период двоевластия, когда в городе ещё находились солдаты Югославской народной армии, но уже пришли натовцы и албанские бандиты. Войска уходили, и с ними сербы; найти машину в Приштине стало практически невозможно. Гражданские и военные шли пешком, а албанские боевики выползали из лесов, убивали и грабили всех, кто пытался выбраться в Сербию. Это были страшные, наполненные кровавыми злодеяниями дни. От прежнего светлого мира не осталось ничего, и казалось, что над краем нависло страшное, мрачно-чёрное облако. Пришло понимание конца: хватит обманываться, надеяться на возвращение прежней жизни уже невозможно.

Отъезд был стремительным и горьким от безысходности, от предчувствия будущих потерь и неизвестности. Они бежали из города, оставляя за спиной годы, наполненные счастливыми воспоминаниями. Бежали в надежде спастись, начать все сначала, по-другому.

Прохладное после ночного дождя, солнечное и ароматное майское утро напоминало о приближении лета. Поляны вдоль дороги золотились головками цветущих одуванчиков – нежных, свежих, нетронутых войной. Отцовский «фиат» довольно медленно пыхтел по горной дороге, поскольку тащил прицеп, доверху нагруженный скарбом, оставшимся после продажи дома. Мотор натужно гудел на подъёмах, Алекс нервничал, нажимал на газ и неслышно проклинал всех и вся. Наконец он съехал на обочину, дёрнул рычаг ручного тормоза и тяжело выдохнул. Двигатель перегрелся, закипел, ему требовалось остыть. Милица выбралась наружу и пошла по траве, стараясь не наступать на одуванчики, пока не замерла, вглядываясь в даль. Она подставила лицо майскому солнцу и мягкому ветру с гор, играющему её волосами. Мимо проезжали редкие машины, устало волоча ноги, проходили люди. Когда все они исчезали за поворотом, наступала тишина, разбавленная еле слышным из леса щебетом птиц. Но вот очередная машина, преодолев подъём, выехала на прямой участок и неожиданно затормозила

рядом со стоящим на обочине «фиатом». Огромный чёрный внедорожник с наглухо тонированными стёклами напоминал грозовую тучу, закрывшую половину неба. Его задняя дверь медленно отворилась и на землю ступил приземистый широкоплечий человек в камуфляжной форме не первой свежести. В расстёгнутом до середины груди вороте виднелась безропотно повисшая толстая цепь с крестом. Угрюмый взгляд из-под бровей вперился в отца семейства, квадратная челюсть слегка приоткрылась, и бандит изрыгнул два слова:

– Деньги где?

Мила узнала человека с устрашающей внешностью. Она видела его один раз, когда братья уезжали воевать с такими же, как они, добровольцами. Именно этот тип командовал людьми, призывавшими сербов уничтожать албанцев.

Алекс удивлённо приподнял брови, развёл руки в стороны, попытался заискивающе улыбнуться, но его улыбка быстро сникла под суровым взглядом человека в камуфляже. Распахнулись другие двери, из внедорожника выпрыгнули еще трое, в такой же замызганной одежде, с автоматами в руках.

– Деньги и драгоценности, – снова прорычал обладатель квадратной челюсти, доставая из кобуры на поясе черный пистолет. В его глазах читалось презрение и лениво-скотское равнодушие.

– У нас ничего нет, – выдавил из себя Алекс. – Мы всё...

Он не успел договорить: прозвучал выстрел и кусок свинца вошел ему в щеку под правым глазом. Варга покачнулся и рухнул лицом вниз. Его жена, стоявшая рядом, громко закричала, бросилась к мужу, но вторым выстрелом безжалостный убийца прервал её стенания, и кивком сделал знак стоявшим поодаль спутникам. Те поспешили к распростёртым на земле телам и принялись тщательно их обыскивать: сорвали золотые цепочки с нательными крестами, ножами разжали стиснутые зубы, проверяя содержимое ртов. Один из них добрался до спрятанного под курткой Алекса матерчатого пояса с деньгами, срезал его и, радостно хохотнув, швырнул своему предводителю. Тот разорвал ткань пояса, вытащил оттуда толстую пачку денег, удовлетворённо хмыкнул и сунул её в накладной карман брюк. Всё это время Милица в оцепенении стояла по другую сторону машины. Страх полностью сковал разум девушки, застыв на месте, она никак не реагировала на происходящее вокруг.

– Эй, красотка, двигай сюда, – крикнул главарь Милице, призывно качнув пистолетом.

Девушка не слышала его, продолжая стоять неподвижно, словно статуя. Издалека донесся натужный гул мотора. Грабители бросили обыскивать салон «фиата», засуетились и быстро вскочили в свою машину. Только их предводитель остался на месте, не сводя глаз с девушки. Его взгляд скользил по её фигуре как по вещи, которая уже принадлежит ему.

– Марко, быстрее! – крикнули ему из внедорожника.

Главарь лениво повернул голову на окрик, затем снова посмотрел вперёд, направил пистолет на Милицу, оскалился и неожиданно громко выкрикнул:

– Пуф!

Девушка вздрогнула всем телом и медленно осела на землю. Бандит захохотал, сунул пистолет в кобуру и полез в салон внедорожника. Мотор тут же взревел, колеса провернулись, выстрелив мелкими камешками, и машина рванула вперед.

Пару минут спустя к месту расправы подъехал и остановился тяжёлый полицейский бронетранспортёр с тремя бойцами, сидящими на броне. Солдаты спрыгнули на землю, заняли оборонительные позиции, а из открывшегося люка выбрался молодой офицер в форме капитана Югославской народной армии. Он приблизился к «фиату», склонился над неподвижными телами и громко ругнулся. Один из солдат обошёл машину, на секунду пропал из вида, присев, а когда выпрямился, жестом позвал офицера. Уже через минуту тот пытался привести в чувство лежащую на траве девушку. Несмотря на видимое отсутствие ран и повреждений, она казалась мёртвой. Лицо сероватое, как у покойников, и только едва различимое дыхание поз-

воляло определить, что в этом теле ещё теплится жизнь. Тем временем двое солдат вернулись к бронетранспортёру, достали оттуда две лопаты и принялись копать яму на поляне, неподалеку от лежащей девушки. Офицер же подложил ей под голову куртку и принялся собирать разбросанные по салону «фиата» личные документы в выпотрошенную грабителями женскую сумочку, которую нашёл там же.

Она наконец пришла в себя. Руки и ноги не слушались, словно налитые свинцом, голова кружилась, периодически её мутило и к горлу подступала тошнота. Слова окружающих просачивались в сознание словно через толстый, плотный слой ваты – на самом деле не ваты, а сковывающего, выворачивающего нутро страха, и этот густой страх покрывал всё вокруг.

Спустя пару недель, когда антидепрессанты и забота врачей сделали своё дело, Милица начала постепенно возвращаться в нормальное состояние. Как быть дальше, она не знала. У неё не осталось родственников ни со стороны отца, ни со стороны матери – все сгинули в адском пламени за годы междоусобных разборок в Косово. Кое-кто из дальней родни жил в Америке или в Австралии, она точно не помнила, а спросить было уже не у кого. То есть по факту родственники имелись, но связь с ними была потеряна уже давным-давно. Подходило время покинуть стены клиники, ставшей уже почти родным домом, и у неё в голове зрело единственное возможное решение – остаться здесь. Неважно кем, пусть простой санитаркой: мыть полы, делать какую-нибудь чёрную работу – только бы не оказаться снова во враждебном мире, таившем, по её мнению, страшную опасность.

В один из дней перед самой выпиской она стояла у приоткрытого окна, любуясь больничным парком, яркими осенними красками начинающей желтеть листвы, когда услышала скрип входной двери, почувствовала лёгкий приток воздуха и услышала молодой весёлый голос:

– Привет, можно войти?

Она обернулась: из-за двери выглядывала мужская голова. Красивое гладко выбритое лицо, улыбка с рекламного плаката стоматологической клиники, коротко стриженные тёмные волосы с ровным пробором.

– Можно, – неуверенно протянула девушка, произвольным движением поправляя причёску.

Дверь распахнулась, и в палату вступил высокий стройный парень в джинсах, лёгкой куртке, с букетом крупных ромашек в левой руке и большим белым пакетом в правой.

– Привет, я Милош, – радостно сообщил он, направляясь прямо к Милице.

По пути оставил у кровати пакет и, подойдя почти вплотную, протянул ей цветы. Мила машинально приняла их, поднесла к лицу и ощутила лёгкий, терпкий аромат зелени.

– Милица.

– Я знаю. Ты, похоже, не помнишь меня? – предположил он. – Это я с ребятами привёз тебя в госпиталь.

– Ты-ы-ы? Спасибо, но я правда ничего не помню...

– Совсем ничего? – вкрадчиво уточнил Милош.

Лицо девушки исказила гримаса, как от резкой боли, глаза, за секунду до этого приветливые и живые, застыли, словно две голубые льдинки, и, не мигая, уставились на гостя. Он ощутил мгновенно возникшее отчуждение и поспешил исправиться.

– Я имел ввиду... – скороговоркой начал он, но Милица его остановила.

– Не нужно. Я не помню только тебя. Остальное... – она на секунду запнулась, будто перехватило дыхание. Затем выдохнула и продолжила: – Остальное помню. Мои... Их похоронили?

Милош молча кивнул.

– Там же, на поляне, недалеко от машины. Остальное пришлось бросить. Извини, мы тогда не могли задерживаться. Служба. Потом можно будет перезахоронить, если захочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.